

издательство
СВИНЬИН
И СЫНОВЬЯ

ISBN 598502017-7

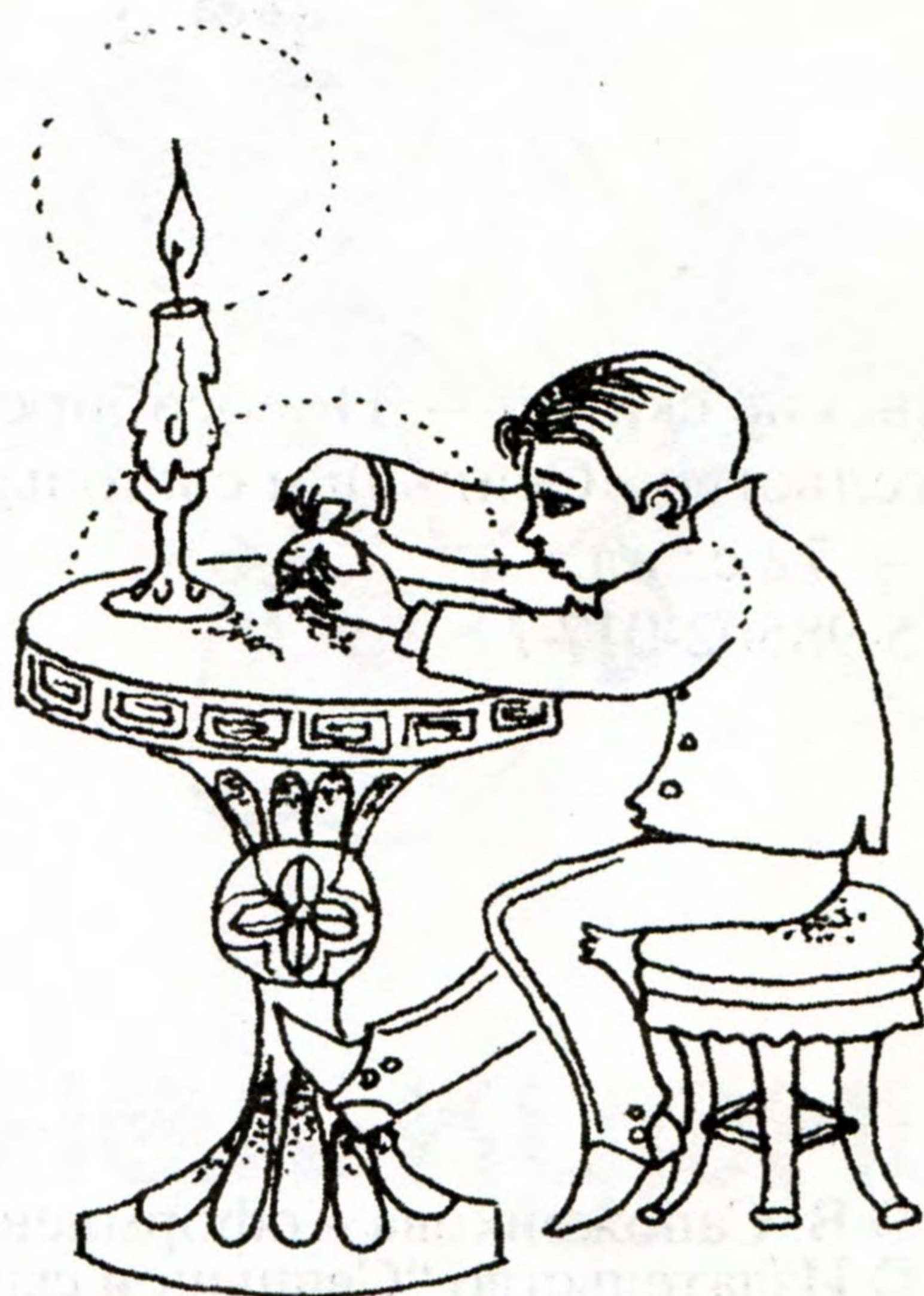
Дворянские сказки

Аборянекие сказки

Издательство "Свинья и бычок"
Новосибирск
2004 г.

ББК 84(2Рос=Рус)6
Д24

Художник Варвара Сапожникова

Д24 Дворянские сказки — Новосибирск:
Издательство «Свинья и сыновья»,
2004, — 72 с.: ил.
ISBN 5-98502-017-7

© В. Сапожникова – оформление, 2004
© Издательство “Свинья и сыновья”, 2004

ISBN 5-98502-017-7

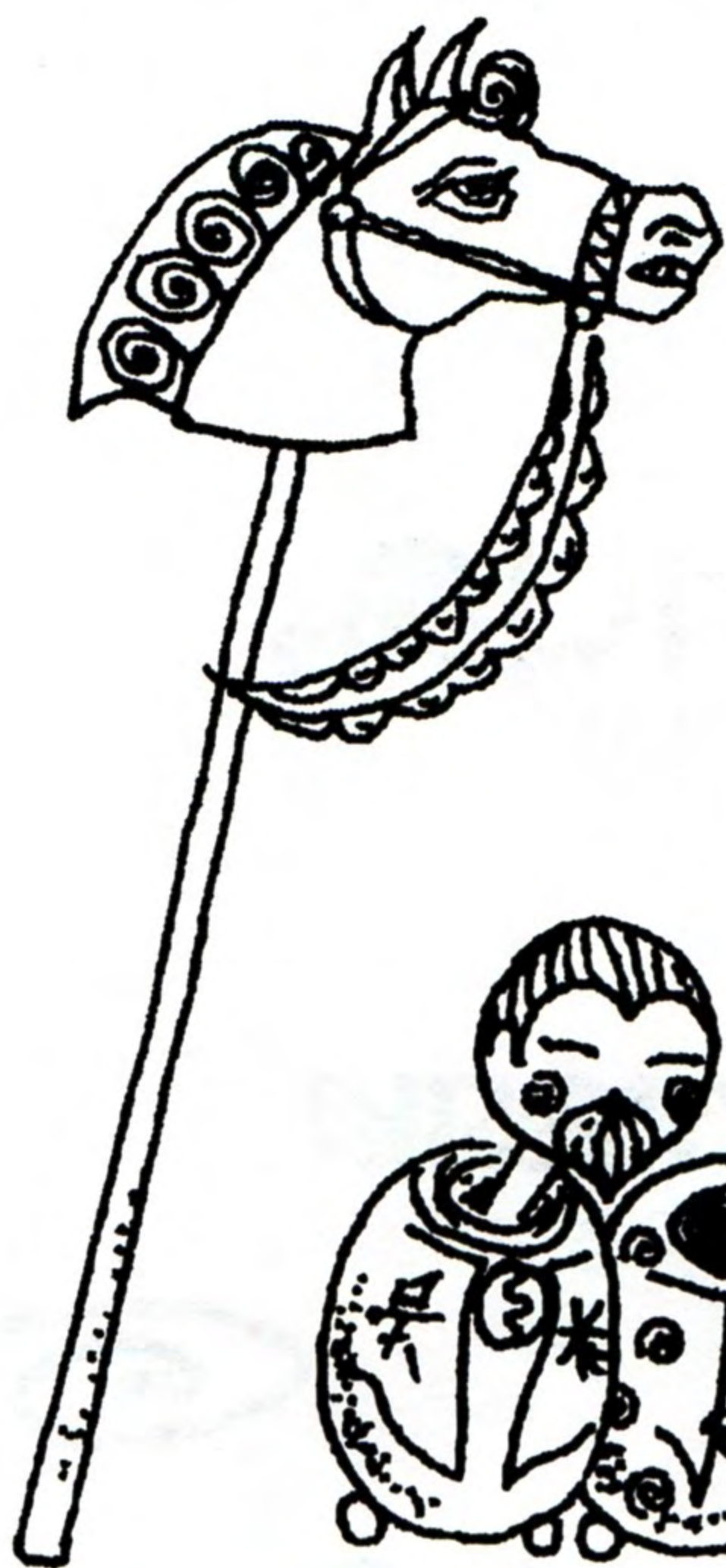
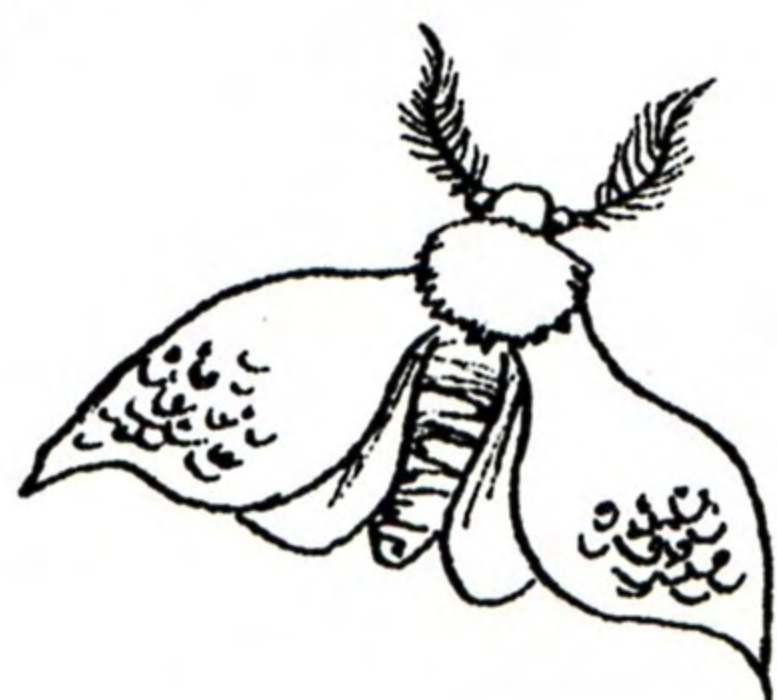
А. Поворельский

Черная курица,

или

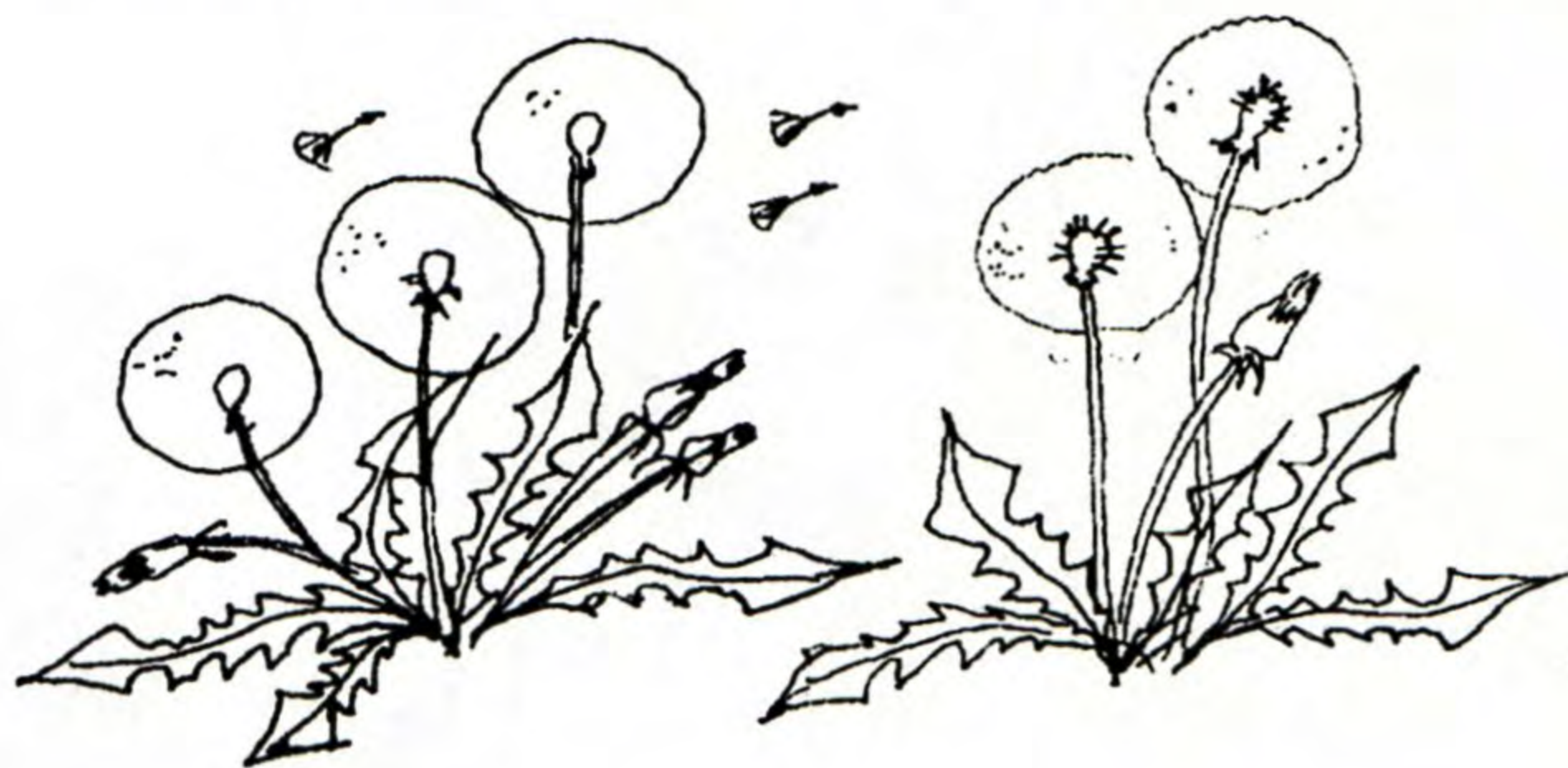
Подземные жители

ет сорок тому назад¹ в С.-Петербурге на Васильевском острове, в Первой линии, жил-был содержатель мужского пансиона, который еще и до сих пор, вероятно, у многих остался в свежей памяти,

хотя дом, где пансион тот помещался, давно уже уступил место другому, нисколько не похожему на прежний. В то время Петербург наш уже славился в целой Европе своею красотою, хотя и далеко еще не был таким, каков теперь. Тогда на проспектах Васильевского острова не было веселых тенистых аллей: деревянные подмости, часто из гнилых досок сколоченные, заступали место нынешних прекрасных тротуаров. Исаакиевский мост, узкий в то время и неровный, совсем иной представлял вид, нежели как теперь; да и самая площадь Исаакиевская вовсе не такова была. Тогда монумент Петра Великого от Исаакиевской церкви отделен был канавою; Адмиралтейство не было обсажено деревьями; манеж Конногвардейский не украшал площади прекрасным нынешним фасадом — одним словом, Петербург тогдашний не то был, что теперешний. Города перед людьми имеют, между прочим, то преимущество, что они иногда с годами становятся красивее... Впрочем, не о том теперь идет дело. В другой раз и при другом случае я, может быть, поговорю с вами про-

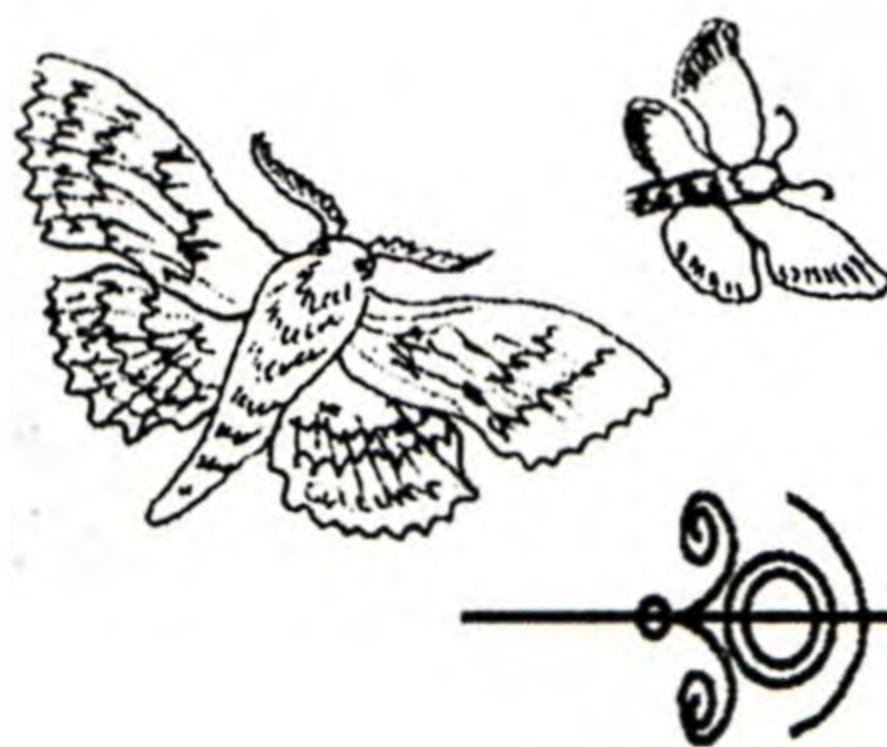
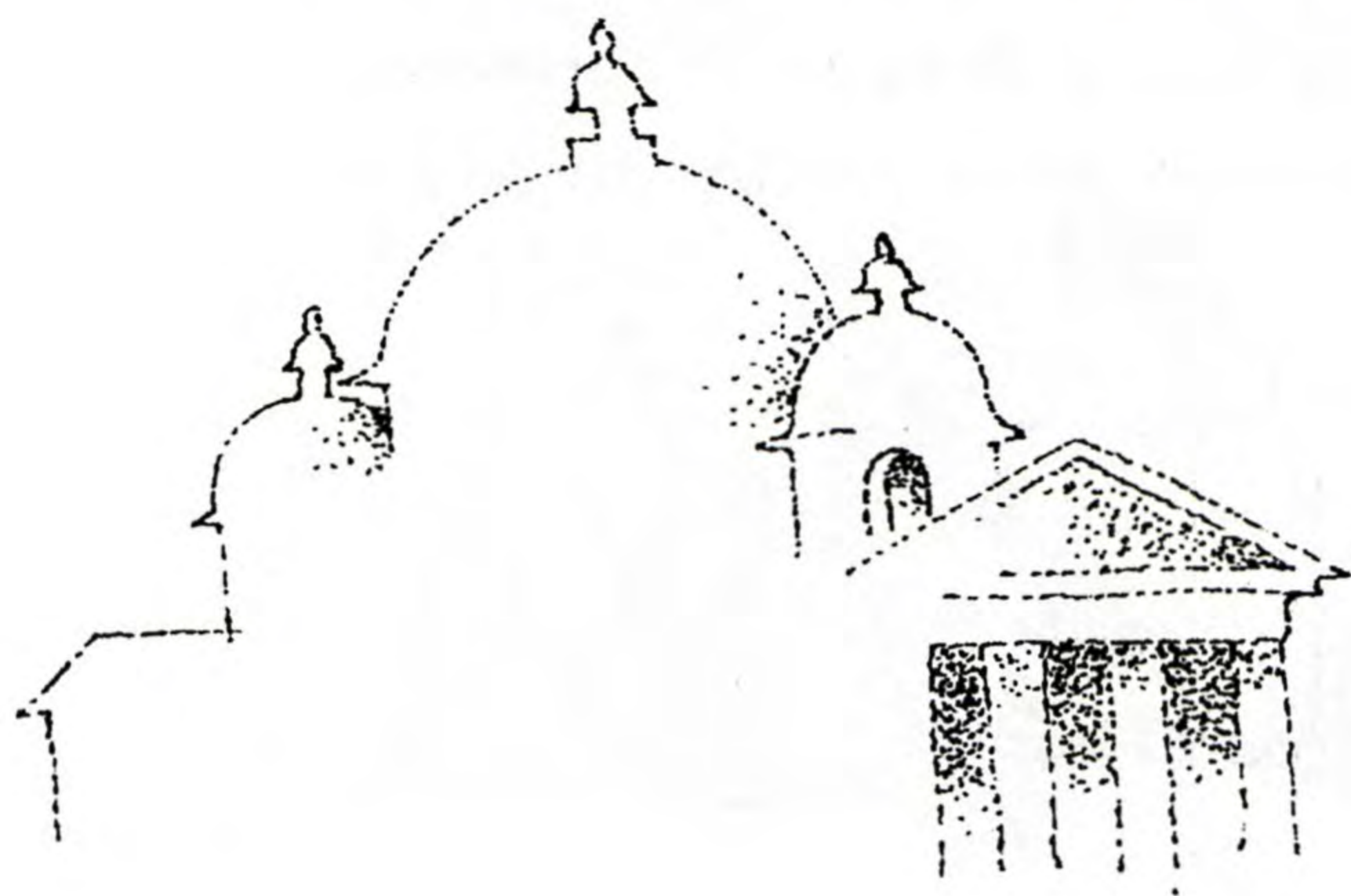
¹ Сказка написана в 1829 году.

страннее о переменах, происшедших в Петербурге в течение моего века, – теперь же обратимся опять к пансиону, который лет сорок тому назад находился на Васильевском острове, в Первой линии.

Дом, которого теперь – как уже вам сказывал – вы не найдете, был о двух этажах, крытый голландскими черепицами. Крыльцо, по которому в него входили, было деревянное и выдавалось на улицу... Из сеней довольно крутая лестница вела в верхнее жилье, состоявшее из восьми или девяти комнат, в которых с одной стороны жил содержатель пансиона, а с другой были классы. Дортуары, или спальные комнаты детей, находились в нижнем этаже, по правую сторону сеней, а по левую жили две старушки, голландки, из которой каждой было более ста лет и которые собственными глазами видали Петра Великого и даже с ним говорили...

В числе тридцати или сорока детей, обучавшихся в том пансионе, находился один мальчик, по имени Алеша, которому тогда было не более девяти или десяти лет. Родители его, жившие далеко-далеко от Петербурга, года за два перед тем привезли его в столицу, отдали в пансион и возвратились домой, заплатив учителю условленную плату за несколько лет вперед. Алеша был мальчик умненький, миленький, учился хорошо, и все его любили и ласкали. Однако, несмотря на то, ему часто скучно бывало в пансионе, а иногда даже и грустно. Особенно сначала он никак не мог приучиться к мысли, что он разлучен с родными своими. Но

потом мало-помалу он стал привыкать к своему положению, и бывали даже минуты, когда, иг-

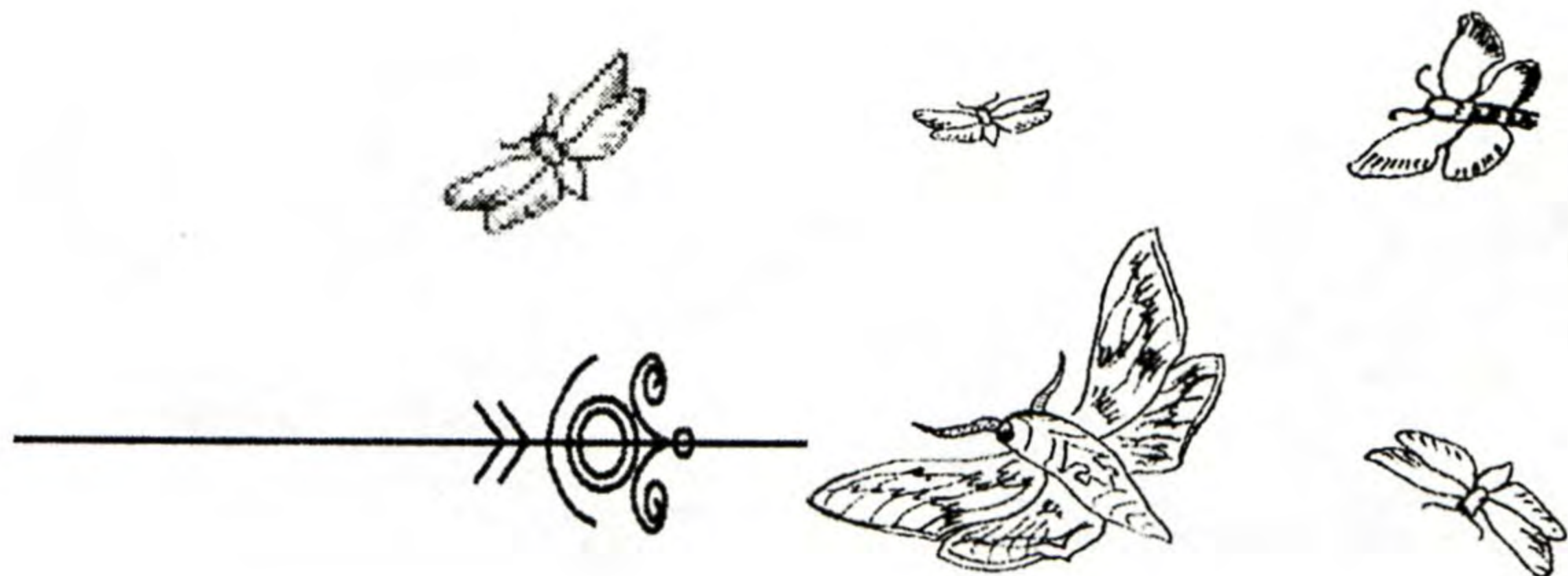

рая с товарищами, он думал, что в пансионе гораздо веселее, нежели в родительском доме.

Вообще дни учения для него проходили скоро и приятно; но когда наставала суббота и все товарищи его спешили домой к родным, тогда Алеша горько чувствовал свое одиночество. По воскресеньям и праздникам он весь день оставался один, и тогда единственным утешением его было чтение книг, которые учитель позволял ему брать из небольшой своей библиотеки. Учитель был родом немец, а в то время в немецкой литературе господствовала мода на рыцарские романы и на волшебные повести, — и библиотека, которою пользовался наш Алеша, большею частью состояла из книг сего рода.

Итак, Алеша, будучи еще в десятилетнем возрасте, знал уже наизусть деяния славнейших рыцарей, по крайней мере так, как они описаны были в романах. Любимым его занятием в длинные зимние вечера, по воскресеньям и другим праздничным дням, было мысленно переноситься в старинные, давно прошедшие века... Особливо в вакантное время, когда он бывал разлучен надолго со своими товарищами, когда часто целые дни просиживал в уединении, юное воображение его бродило по рыцарским замкам, по страшным развалинам или по темным, дремучим лесам.

Я забыл сказать вам, что к дому этому принадлежал довольно пространный двор, отделенный от переулка деревянным забором из барочных досок. Ворота и калитка, кои вели в переулок, всегда были закрыты, и потому Алеше никогда не удавалось побы-

вать в этом переулке, который сильно возбуждал его любопытство. Всякий раз, когда позволяли ему в часы отдыха играть на дворе, первое движение его было – подбегать к забору. Тут он становился на цыпочки и пристально смотрел в круглые дырочки, которыми усеян был забор. Алеша не знал, что дырочки эти происходили от деревянных гвоздей, которыми прежде сколочены были барки, и ему казалось, что какая-нибудь добрая волшебница нарочно для него провертела эти дырочки. Он все ожидал, что когда-нибудь эта волшебница явится в переулке и сквозь дырочку подаст ему игрушку, или талисман, или письмецо от папеньки или маменьки, от которых не получал он давно уже никакого известия. Но, к крайнему его сожалению, не являлся никто даже похожий на волшебницу.

Другое занятие Алеши состояло в том, чтобы кормить курочек, которые жили около забора в нарочно для них выстроенном домике и целый день играли и бегали на дворе. Алеша очень коротко с ними познакомился, всех знал по имени, разнимал их дра-

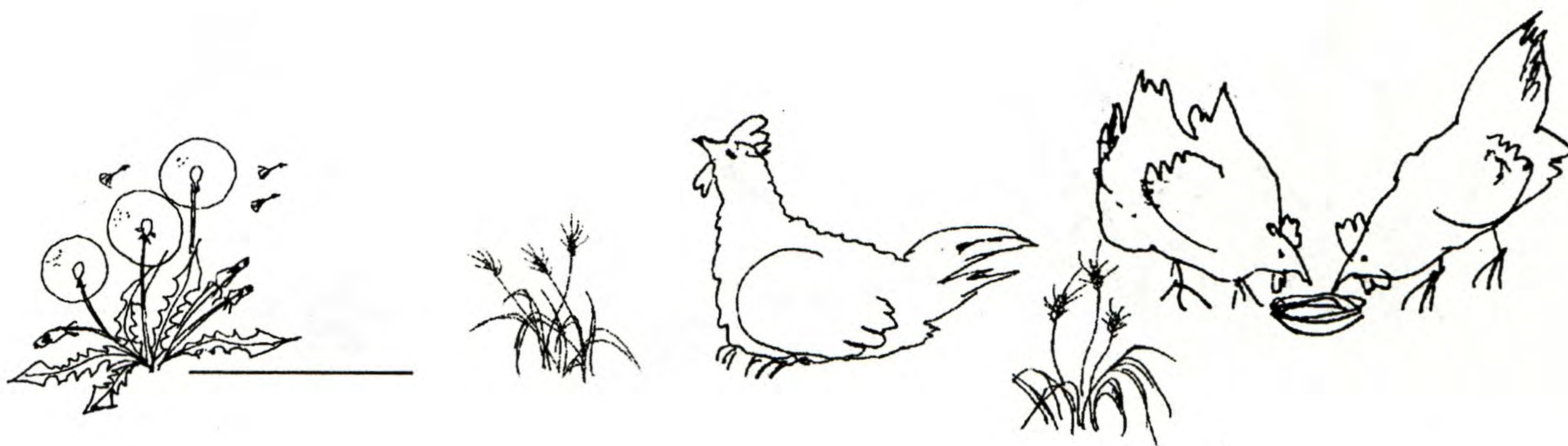
ки, а забияк наказывал тем, что иногда несколько дней сряду не давал им ничего от крошек, которые всегда после обеда и ужина он собирал со скатерти.

Между курами он особенно любил одну черную хохлатую, названную Чернушкой. Чернушка была к нему ласковее

других; она даже иногда позволяла себя гладить, и потому Алеша лучшие кусочки приносил ей. Она была нрава тихого; редко прохаживалась с другими и, казалось, любила Алешу более, нежели подруг своих.

Однажды (это было во время зимних вакаций — день был прекрасный и необыкновенно теплый, не более трех или четырех градусов мороза) Алеше позволили поиграть на дворе. В тот день учитель и жена его в больших были хлопотах. Они давали обед директору училищ и еще накануне, с утра до позднего вечера, везде в доме мыли полы, вытирали пыль и воили красного дерева столы и комоды. Сам учитель ездил закупать провизию для стола: белую архангельскую телятину, огромный окорок и киевское варенье. Алеша тоже по мере сил способствовал приготовлениям: его заставили из белой бумаги вырезывать красивую сетку на окорок и украшать бумажною резьбою нарочно купленные шесть восковых свечей. В назначенный день рано поутру явился парикмахер и показал свое искусство над буклями, тупеем и длинной косой учителя. Потом принялся за супругу его, на помадил и напудрил у ней локоны и шиньон и взгромоздил на ее голове целую оранжерею разных цветов, между которыми блистали искусным образом помещенные два бриллиантовые перстня, когда-то подаренные ее мужу родителями учеников. По окончании головного убора накинула она на себя старый, изношенный сапог и отправилась хлопотать по хозяйству, наблюдая притом строго, чтоб как-нибудь не испортилась прическа; и для того сама она не входила в кухню, а давала приказания свои кухарке, стоя в дверях. В необходимых же случаях посылала туда мужа своего, у которого прическа не так была высока.

В продолжение всех этих забот Алешу нашего совсем забыли, и он тем воспользовался, чтоб на просторе играть на дворе. По обыкновению своему, он подошел сначала к дощатому забору и долго смотрел в дырочку; но и в этот день никто почти не проходил по переулку, и он со вздохом обратился к любезным своим курочкам. Не успел он присесть на бревно и только что начал манить их к себе, как вдруг увидел подле себя кухарку с большим ножом. Алеше никогда не нравилась эта кухарка – сердитая и бранчливая. Но с тех пор, как он заметил, что она-то и была причиною, что от времени до времени уменьшалось число его курочек, он еще менее стал ее любить. Когда же однажды нечаянно увидел он в кухне одного хорошенького, очень любимого им петушка, повешенного за ноги с перерезанным горлом, то возымел он к ней ужас и отвращение. Увидев ее теперь с ножом, он тотчас догадался, что это значит, и, чувствуя с горестию, что он не в силах помочь своим друзьям, вскочил и побежал далеко прочь.

– Алеша, Алеша! помоги мне поймать курицу! – кричала кухарка.

Но Алеша принялся бежать еще пуще, спрятался у забора за курятником и сам не замечал, как слезки одна за другою выкатывались из его глаз и упали на землю.

Довольно долго стоял он у курятника, и сердце в нем сильно билось, между тем как кухарка бегала по двору – то манила курочек: «Цып, цып, цып!», то бранила их.

Вдруг сердце у Алеши еще сильнее забилося: ему послышался голос любимой его Чернушки! Она кудахтала самым отчаянным образом, и ему показалось, что она кричит:

Кудах, кудах, кудуху!
 Алеша, спаси Чернуху!
 Кудуху, кудуху,
 Чернуху, Чернуху!

Алеша никак не мог долее оставаться на своем месте. Он, громко всхлипывая, побежал к кухарке и бросился к ней на шею в ту самую минуту, как она поймала уже Чернушку за крыло.

– Любезная, милая Тринушка! – вскричал он, обливаясь слезами, – пожалуйста, не тронь мою Чернуху!

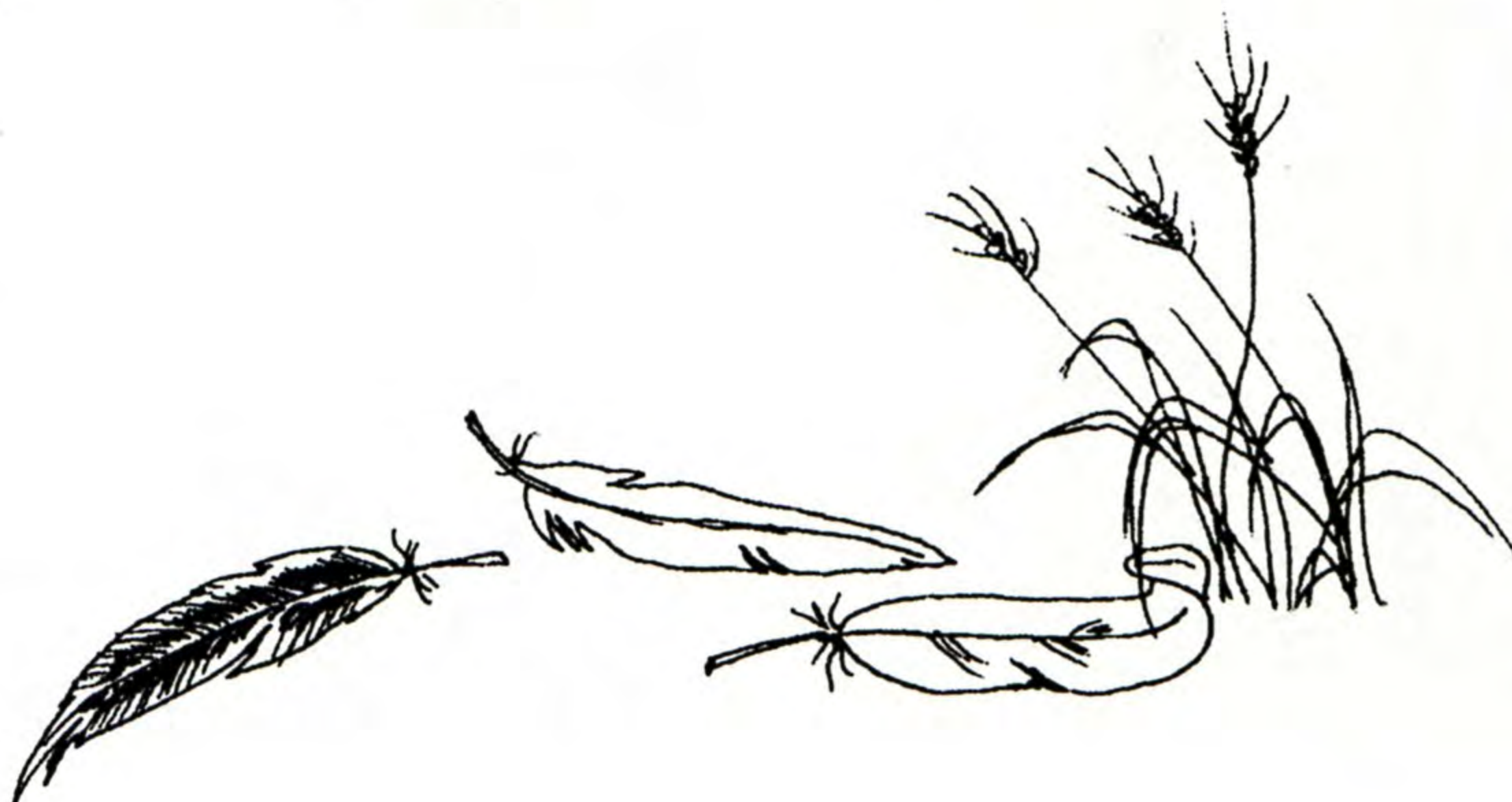
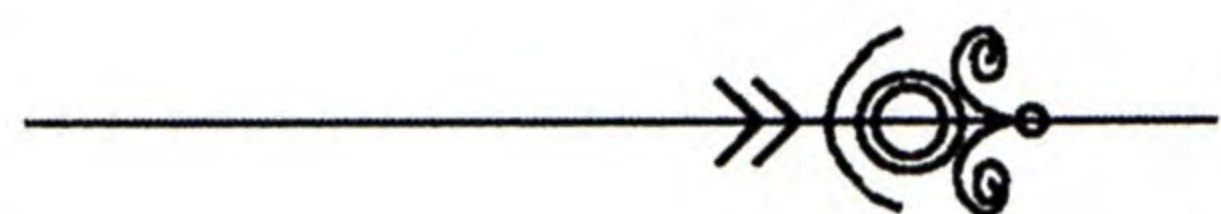
Алеша так неожиданно бросился на шею к кухарке, что она упустила из рук Чернушку, которая, воспользовавшись этим, от страха взлетела на кровлю сарая и там продолжала кудахтать. Но Алеше теперь слышалось, будто она дразнит кухарку и кричит:

Кудах, кудах, кудуху!
 Не поймала ты Чернуху!
 Кудуху, кудуху,
 Чернуху, Чернуху!

Между тем кухарка вне себя была от досады и хотела бежать к учителю, но Алеша не допустил ее. Он прицепился к полам ее платья и так умильно стал просить, что она остановилась.

– Душенька, Тринушка! – говорил он, – ты такая хорошенькая, чистенькая, добренькая... Пожалуйста, оставь мою Чернушку! Вот посмотри, что я тебе подарю, если ты будешь добра!

Алеша вынул из кармана империал, составлявший все его имение, который берег он пуще глаза своего, потому что это был подарок доброй его бабушки... Кухарка взглянула на золотую монету, окинула взором окошки дома, чтоб удостовериться, что никто их не видит, и протянула

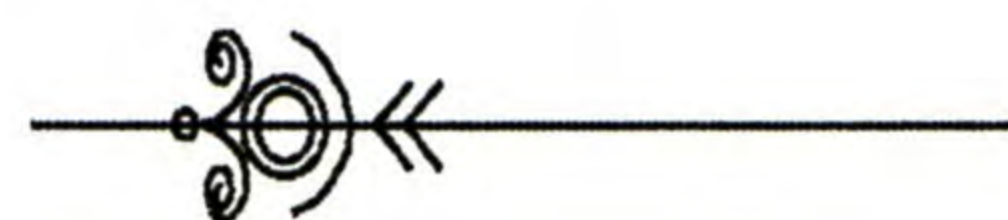
руку за империялом. Алеше очень, очень жаль было империяла, но он вспомнил о Чернушке – и с твердостью отдал драгоценный подарок.

Таким образом Чернушка спасена была от жестокой и неминуемой смерти.

Лишь только кухарка удалилась в дом, Чернушка слетела с кровли и подбежала к Алеше. Она как будто знала, что он ее избавитель: кружилась около него, хлопала крыльями и кудахтала веселым голосом. Все утро она ходила за ним по двору, как собачка, и казалось, будто хочет что-то сказать ему, да не может. По крайней мере, он никак не мог разобрать ее кудахтанья. Часа за два перед обедом начали собираться гости. Алешу позвали наверх, надели на него рубашку с круглым воротником и батистовыми манжетами с мелкими складками, белые шароварцы и широкий шелковый голубой кушак. Длинные русые волосы, висевшие у него почти до пояса, хорошенько расчесали, разделили на две ровные части и переложили наперед по обе стороны груди.

Так наряжали тогда детей. Потом научили, каким образом он должен шаркнуть ногой, когда войдет в комнату директор, и что должен отвечать, если будут сделаны ему какие-нибудь вопросы.

В другое время Алеша был бы очень рад приезду директора, которого давно хотелось ему видеть, потому что, судя по почтению, с каким отзывались о нем учитель и учитель-

ша, он воображал, что это должен быть какой-нибудь знаменитый рыцарь в блестящих латах и в шлеме с большими перьями. Но на тот раз любопытство это уступило место мысли, исключительно тогда его занимавшей: о черной курице. Ему все представлялось, как кухарка за нею бегала с ножом и как Чернушка кудахтала разными голосами. Притом ему очень досадно было, что не мог он разобрать, что она ему сказать хотела, и его так и тянуло к курятнику... Но делать было нечего: надлежало дожидаться, пока кончится обед!

Наконец приехал директор. Приезд его возвестила учительша, давно уже сидевшая у окна, пристально смотря в ту сторону, откуда его ждали.

Все пришло в движение: учитель стремглав бросился из дверей, чтоб встретить его внизу, у крыльца; гости встали с мест своих, и даже Алеша на минуту забыл о своей курочке и подошел к окну, чтоб посмотреть, как рыцарь будет слезать с ретивого коня. Но ему не удалось увидеть его, ибо он успел уже войти в дом. У крыльца же вместо ретивого коня стояли обыкновенные извозничьи сани. Алеша очень этому удивился! «Если бы я был рыцарь, — подумал он, — то никогда бы не ездил на извозчике, а всегда верхом!»

Между тем отворили настежь все двери, и учительша начала приседать в ожидании столь почтенного гостя, который вскоре потом появился. Сперва нельзя было видеть его за толстою учительшею, стоявшею в самых дверях; но, когда она, окончив длинное при-

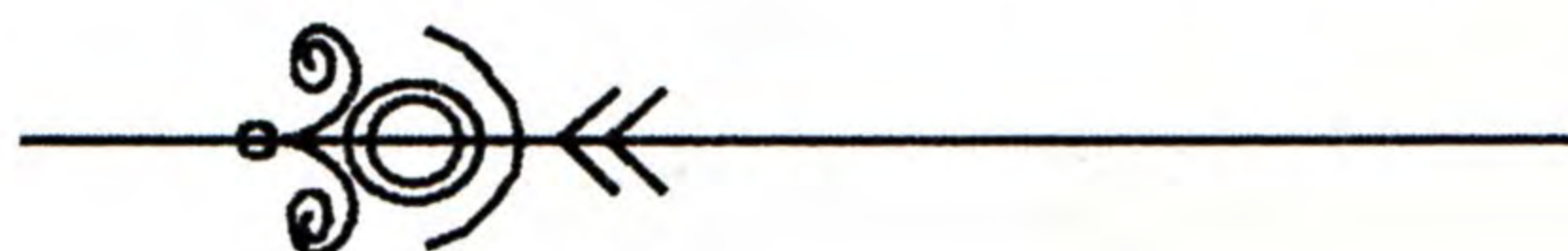

ветствие свое, присела ниже обыкновенного, Алеша, к крайнему удивлению, из-за нее увидел... не шлем пернатый, но просто маленькую лысую головку, набело распудренную, единственным украшением которой, как после заметил Алеша, был маленький пучок! Когда вошел он в гостиную, Алеша еще более удивился, увидев, что, несмотря на простой серый фрак, бывший на директоре вместо блестящих лат, все обращались с ним необыкновенно почтительно.

Сколь, однако ж, ни казалось все это странным Алеше, сколь в другое время он бы ни был обрадован необыкновенным убранством стола, но в этот день он не обращал большого на то внимания. У него в головке все бродило утреннее происшествие с Чернушкой. Подали десерт: разного рода варенья, яблоки, бергамоты, финики, винные ягоды и грецкие орехи; но и тут он ни на одно мгновение не переставал помышлять о своей курочке. И только что встали из-за стола, как он с трепещущим от страха и надежды сердцем подошел к учителю и спросил, можно ли идти поиграть на дворе.

— Подите, — отвечал учитель, — только не долго там будьте: уж скоро делается темно.

Алеша поспешно надел свою красную бекешу на беличьем меху и зеленую бархатную шапочку с собольим околышком и побежал к забору. Когда он туда прибыл, курочки начали уже собираться на ночлег и, сонные, не очень обрадовались принесенным крошкам. Одна Чернушка, казалось, не чувствовала охоты ко сну: она весело к нему подбежала, захлопала крыльями и опять начала кудахтать. Алеша долго с нею играл; наконец, когда сделалось тем-

но и настала пора идти домой, он сам затворил курятник, удостоверившись наперед, что любезная его курочка уселась на шесте. Когда он выходил из курятника, ему показалось, что глаза у Чернушки светятся в темноте, как звездочки, и что она тихонько ему говорит:

– Алеша, Алеша! Остайся со мною!

Алеша возвратился в дом и весь вечер просидел один в классных комнатах, между тем как на другой половине часу до одиннадцатого пробыли гости. Прежде, нежели они разъехались, Алеша пошел в нижний этаж, в спальню, разделся, лег в постель и потушил огонь. Долго не мог он заснуть. Наконец сон его преодолел, и он только что успел во сне разговориться с Чернушкой, как, к сожалению, пробужден был шумом разъезжающихся гостей.

Немного погодя учитель, провожавший директора со свечкою, вошел к нему в комнату, посмотрел, все ли в порядке, и вышел вон, замкнув дверь ключом.

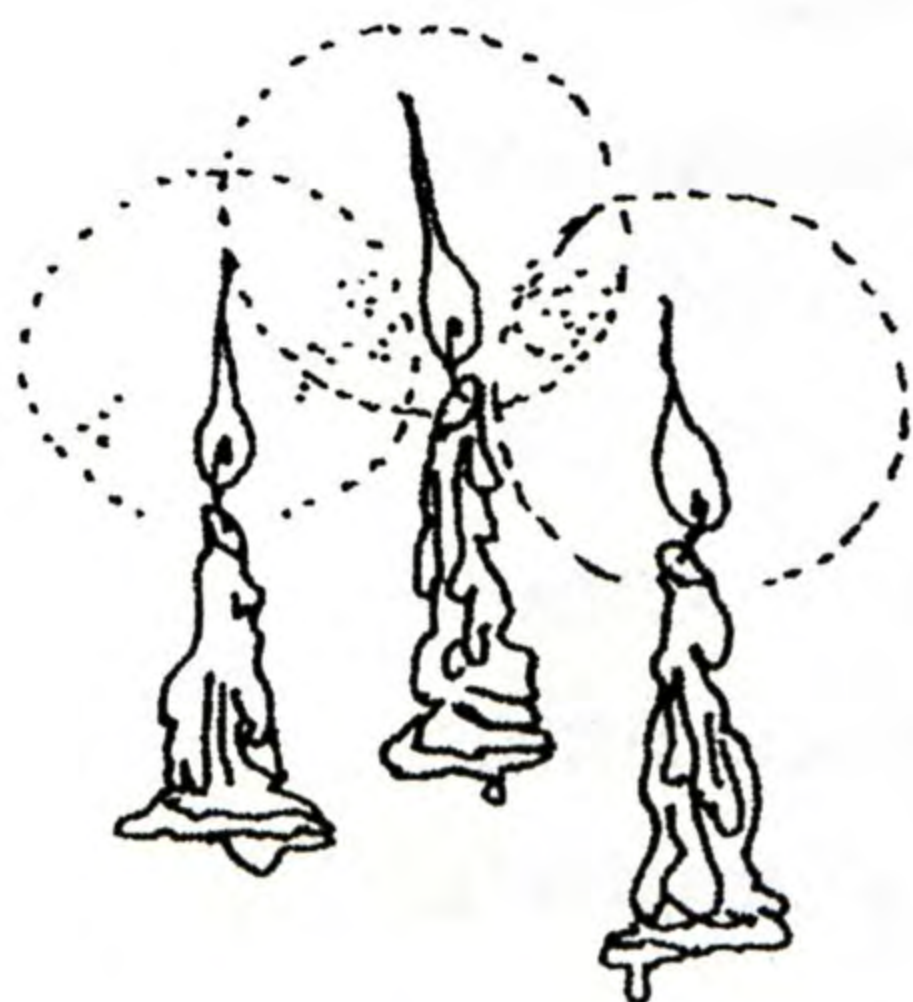
Ночь была месячная, и сквозь ставни, неплотно затворявшиеся, упал в комнату бледный луч луны. Алеша лежал с открытыми глазами и долго слушал, как в верхнем жилье, над его головою, ходили по комнатам и приводили в порядок стулья и столы.

Наконец все утихло... Он взглянул на стоявшую подле него кровать, немного освещенную месячным сиянием, и заметил, что белая простыня, висящая почти до полу, легко шевелилась. Он пристальнее стал всматриваться... ему послышалось, как будто что-то под кроватью царапается, – и немного погодя показалось, что кто-то тихим голосом зовет его:

– Алеша, Алеша!

Алеша испугался... Он один был в комнате, и ему тотчас пришло на мысль, что под кроватью должен быть вор. Но потом, рассудив, что вор не называл бы его по имени, он несколько ободрился, хотя сердце в нем дрожало.

Он немного приподнялся в постели и еще яснее увидел, что простыня шевелится... еще внимнее услышал, что кто-то говорит:

– Алеша, Алеша!

Вдруг белая простыня приподнялась, и из-под нее вышла... черная курица!

– Ах! это ты, Чернушка! – невольно вскричал Алеша. – Как ты зашла сюда?

Чернушка захлопала крыльями, взлетела к нему на кровать и сказала человеческим голосом:

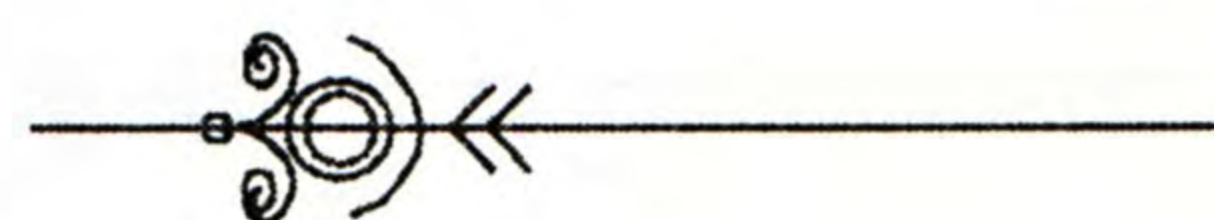
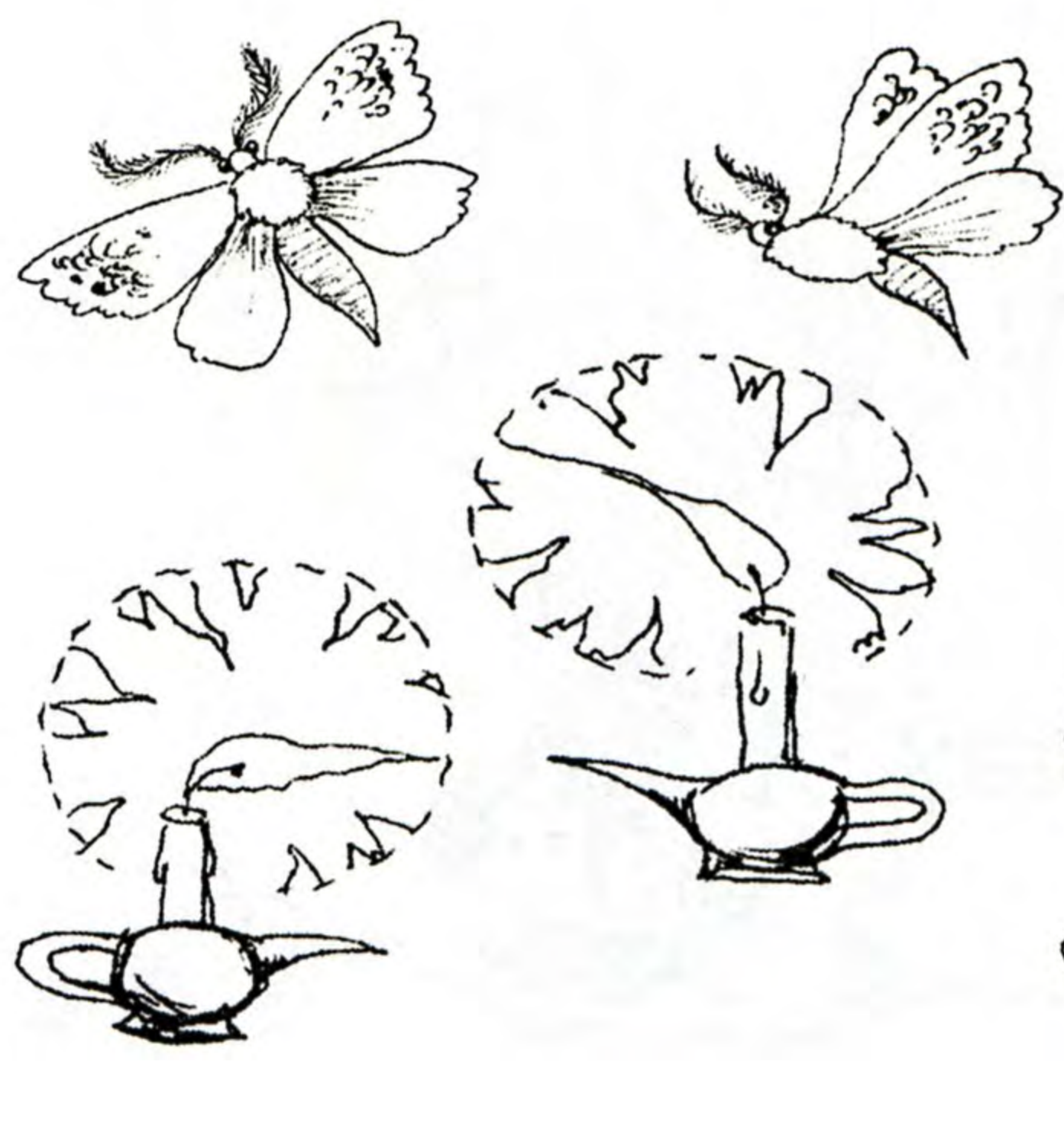
– Это я, Алеша! Ты не боишься меня, не правда ли?

– Зачем я тебя буду бояться? – отвечал он. – Я тебя люблю; только для меня странно, что ты так хорошо говоришь: я совсем не знал, что ты говорить умеешь!

– Если ты меня не боишься, – продолжала курица, – так пооди за мною. Одевайся скорее!

– Какая ты, Чернушка, смешная! – сказал Алеша. – Как мне можно одеться в темноте? Я платья своего теперь не сыщу; я и тебя насилу вижу!

– Постараюсь этому помочь, – сказала курочка. Тут она закухтала странным голосом, и вдруг откуда ни взя-

лись маленькие свечки в серебряных шандалах, не больше как с Алешин маленький пальчик. Шандалы эти очутились на полу, на стульях, на окнах, даже на рукомойнике, и в комнате сделалось так светло, так светло, как будто днем. Алеша начал одеваться, а курочка подавала ему платье, и таким образом он вскоре совсем был одет.

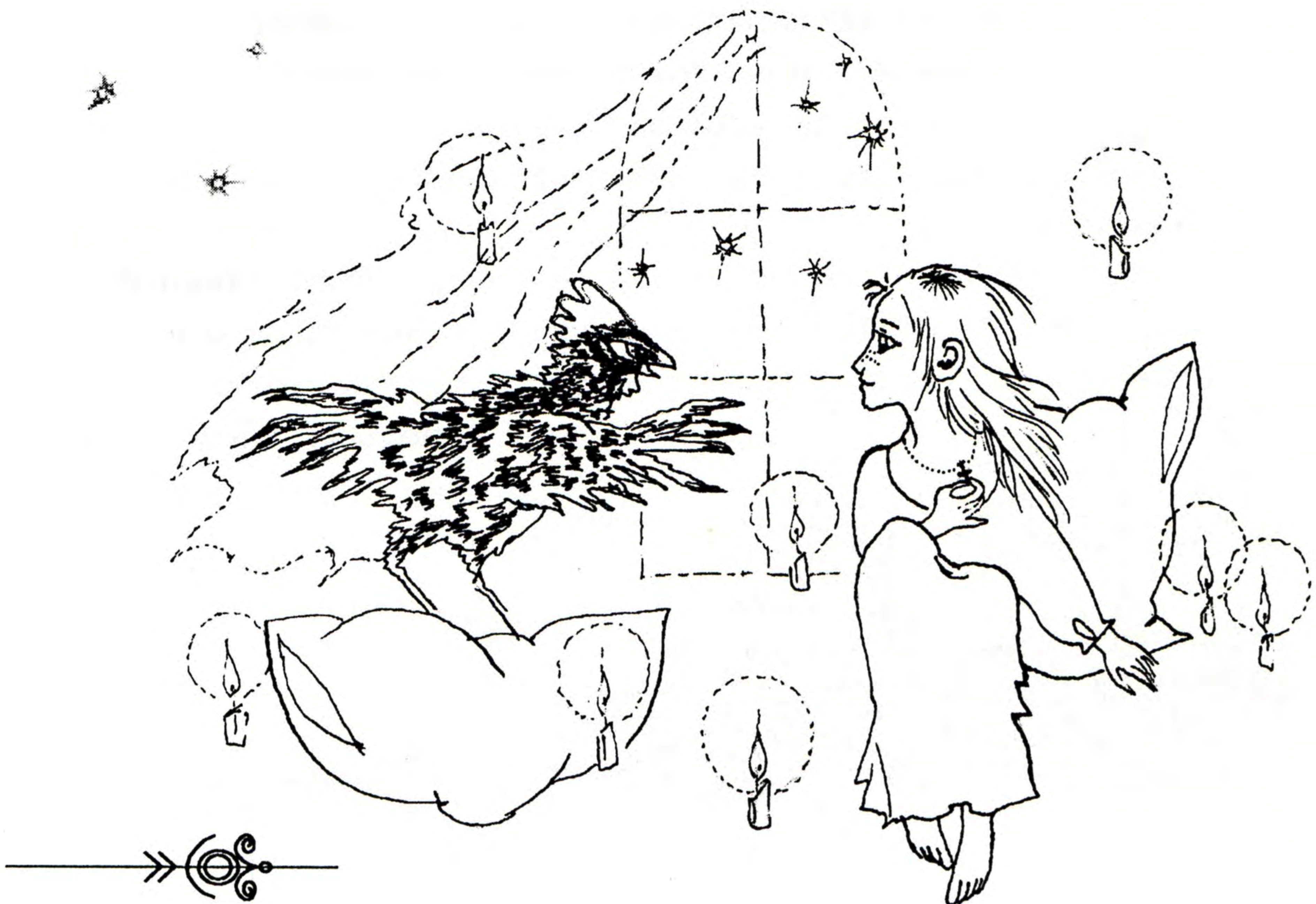
Когда Алеша был готов, Чернушка опять закудаhtала, и все свечки исчезли.

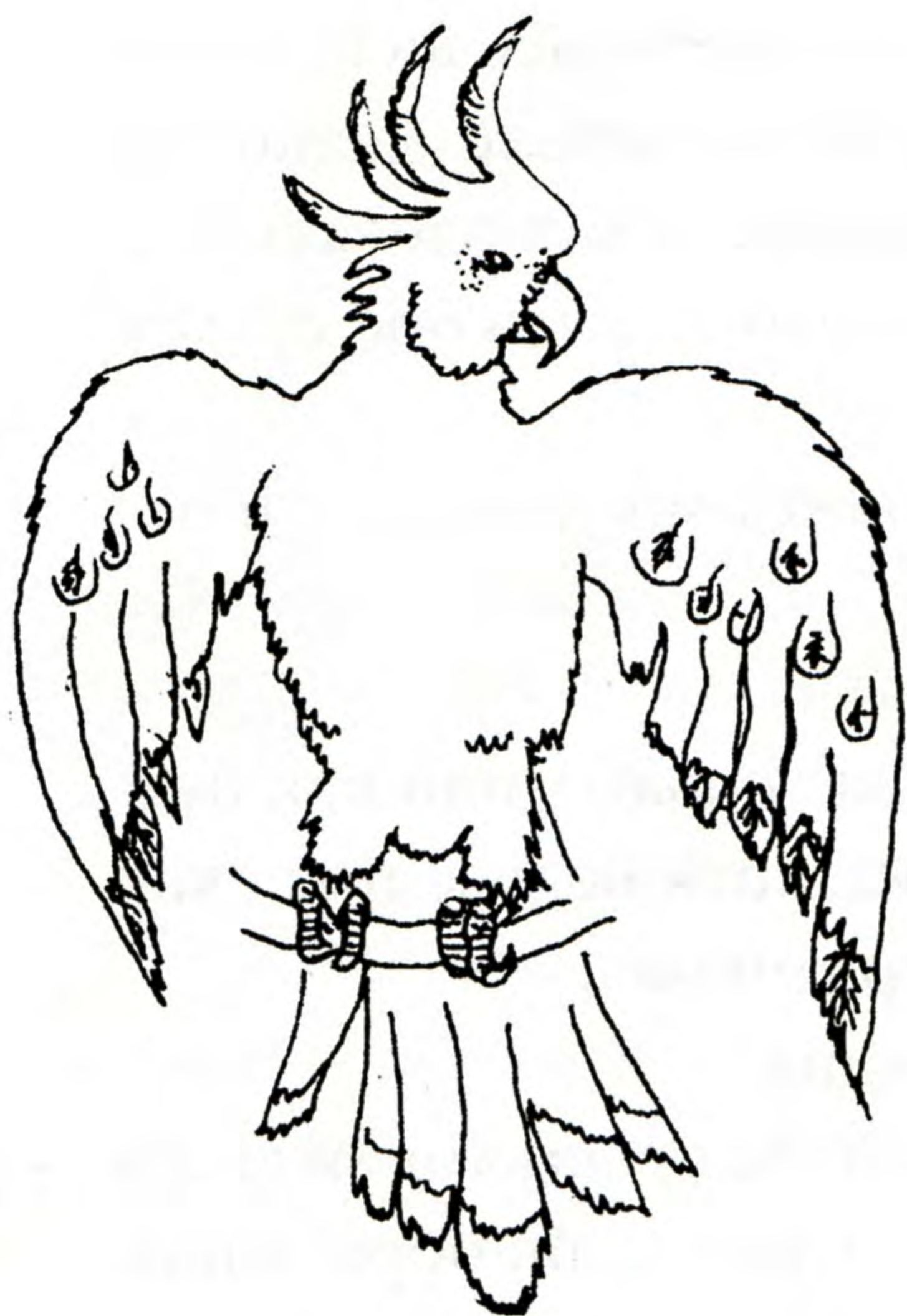
– Иди за мною! – сказала она ему.

И он смело последовал за нею. Из глаз ее выходили как будто лучи, которые освещали все вокруг них, хотя не так ярко, как маленькие свечки. Они прошли через переднюю...

– Дверь заперта ключом, – сказал Алеша.

Но курочка ему не отвечала: она хлопнула крыльями, и дверь сама собою отворилась... Потом, пройдя через сени, обратились они к комнатам, где жили столетние старушки голландки. Алеша никогда у них не бывал, но слышал, что комнаты у них убраны по-

старинному, что у одной из них большой серый попугай, а у другой серая кошка, очень умная, которая умеет прыгать через обруч и подавать лапку. Ему давно хотелось все это видеть, и потому он очень обрадовался, когда курочка опять хлопнула крыльями и дверь в покои старушек отворилась.

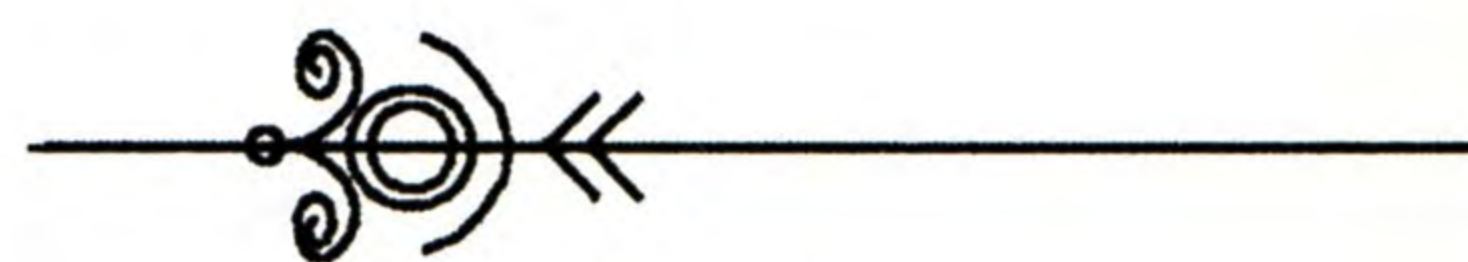
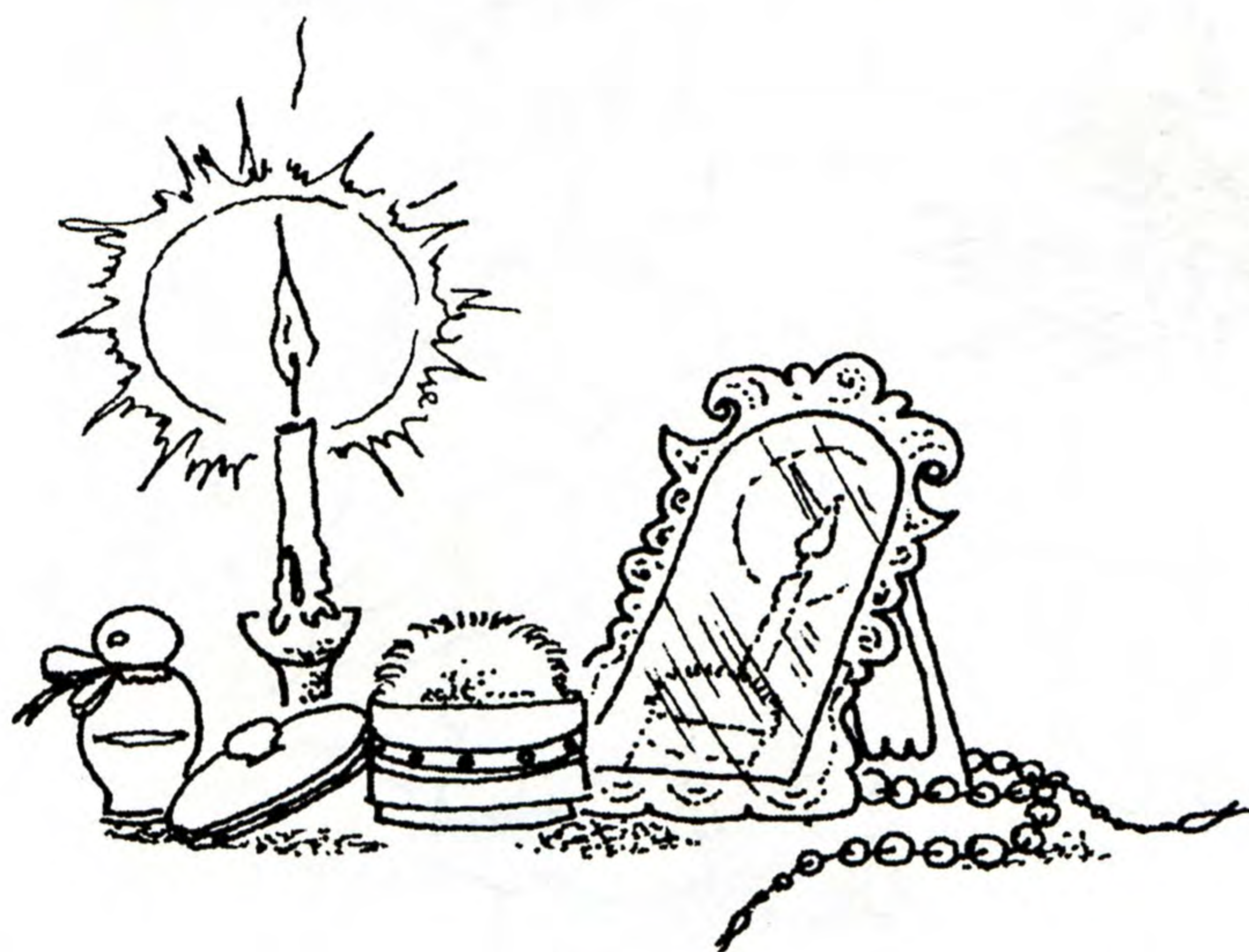
Алеша в первой комнате увидел всякого рода старинную мебель: резные стулья, кресла, столы и комоды. Большая лежанка была из голландских изразцов, на которых нарисованы были синей муравой люди и звери. Алеша хотел было остановиться, чтоб рассмотреть мебель, а особли-

во фигуры на лежанке, но Чернушка ему не позволила.

Они вошли во вторую комнату – и тут-то Алеша обрадовался! В прекрасной золотой клетке сидел большой серый попугай с красным хвостом. Алеша тотчас хотел подбежать к нему. Чернушка опять его не допустила.

– Не трогай здесь ничего, – сказала она. – Берегись разбудить старушек!

Тут только Алеша заметил, что подле попугая стояла кровать с белыми кисейными за-

навесками, сквозь которые он мог различить старушку, лежащую с закрытыми глазами: она показалась ему как будто восковая. В другом углу стояла такая же точно кровать, где спала другая старушка, а подле нее сидела серая кошка и умывалась передними лапами. Проходя мимо нее, Алеша не мог утерпеть, чтоб не попросить у ней лапки... Вдруг она громко замяукала, попугай нахохлился и начал громко кричать: «Дуррак! дуррак!» В то самое время видно было сквозь кисейные занавески, что старушки приподнялись в постели. Чернушка поспешно удалилась, Алеша побежал за нею, дверь вслед за ними сильно захлопнулась... и еще долго слышно было, как попугай кричал: «Дуррак! дуррак!»

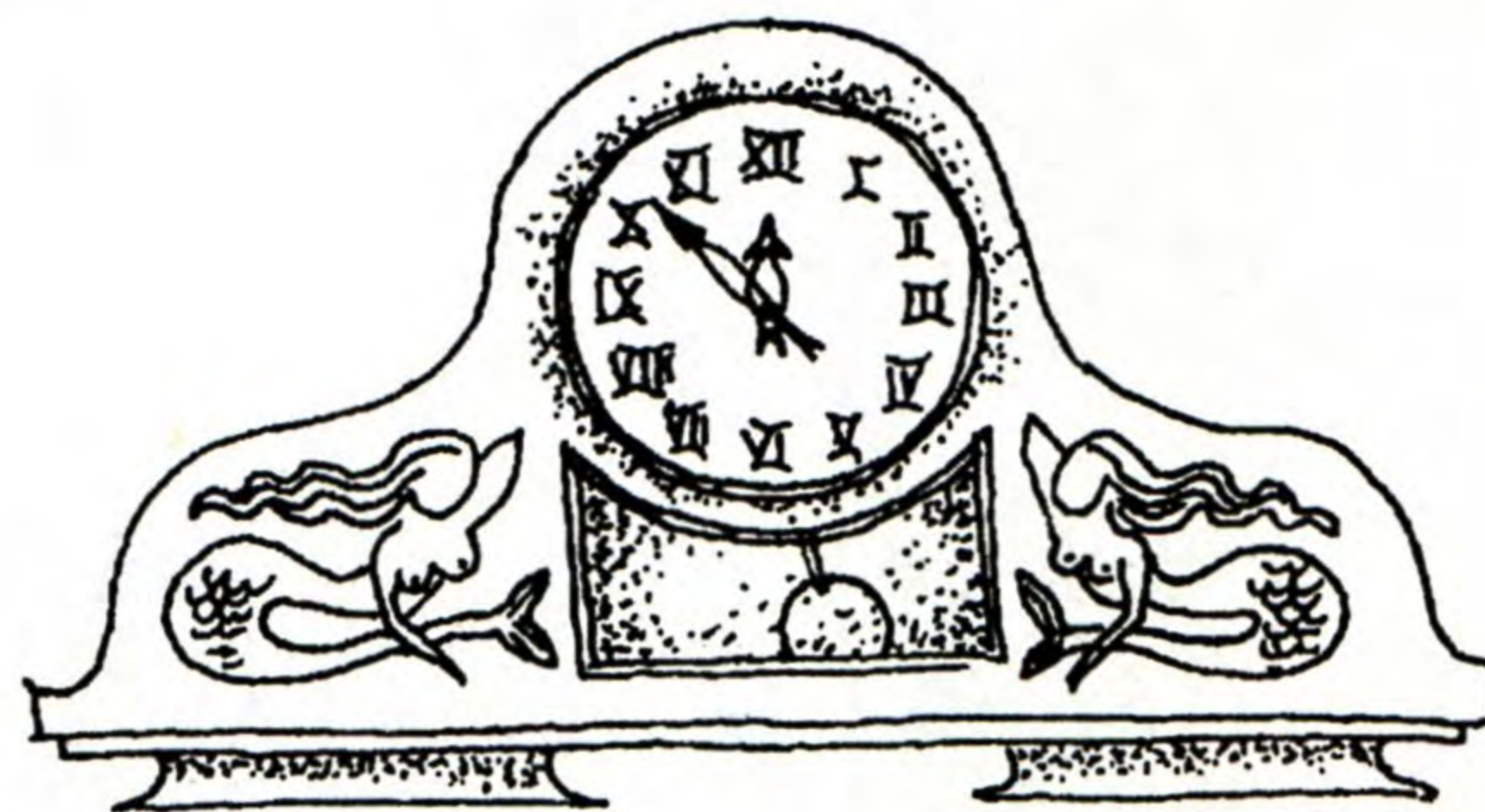
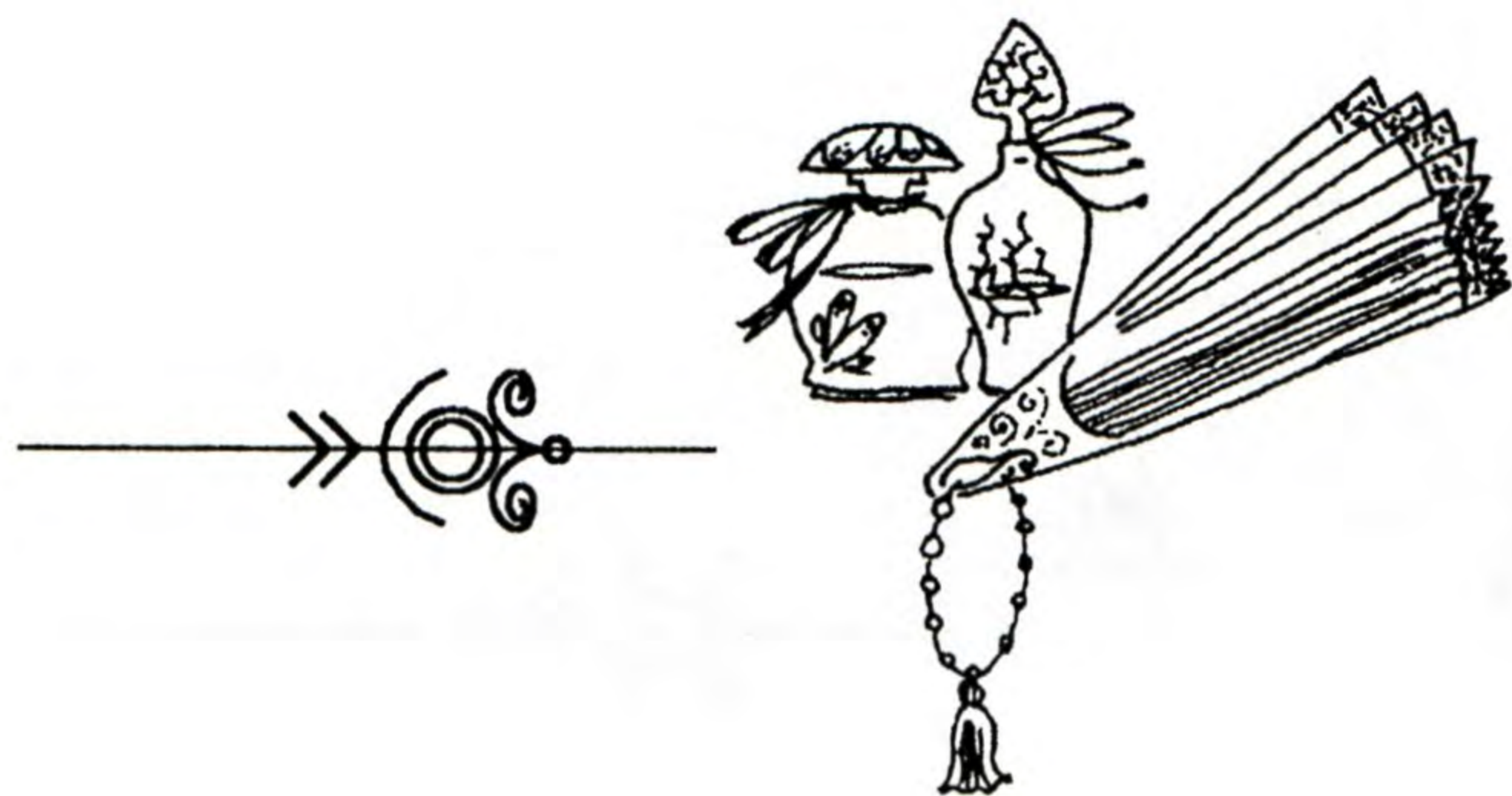

– Как тебе не стыдно! – сказала Чернушка, когда они удалились от комнат старушек. – Ты, верно, разбудил рыцарей...

– Каких рыцарей? – спросил Алеша.

– Ты увидишь, – отвечала курочка. – Не бойся, однако ж, ничего; иди за мною смело.

Они спустились вниз по лестнице, как будто в погреб, и долго-долго шли по разным переходам и коридорам, которых прежде Алеша никогда не видывал. Иногда коридоры эти так были низки и узки,

что Алеша принужден был нагибаться. Вдруг вошли они в залу, освещенную тремя большими хрустальными люстрами. Зала была без окошек, и по обеим сторонам висели на стенах рыцари в блестящих латах, с большими перьями на шлемах, с копьями и щитами в железных руках.

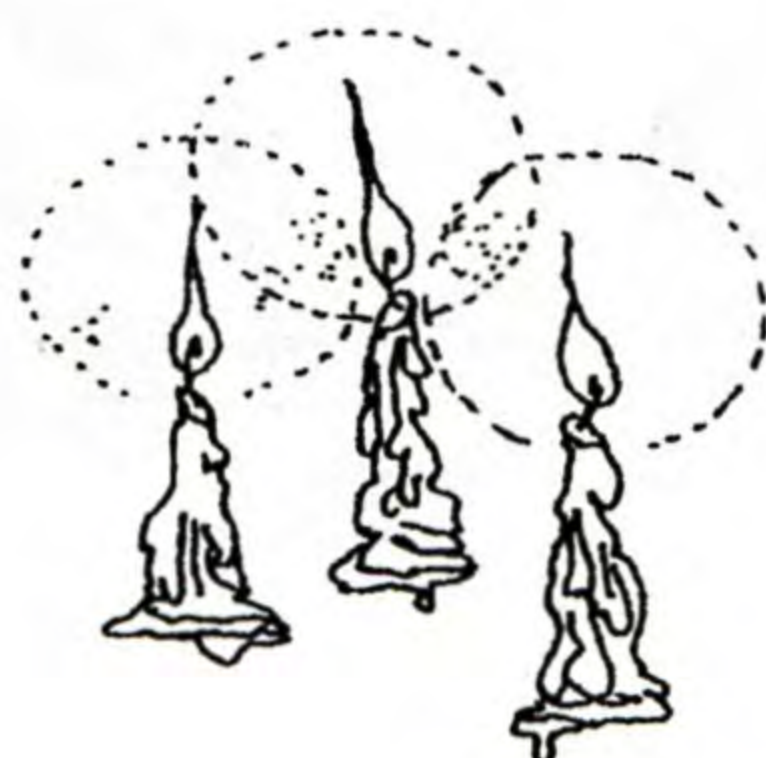
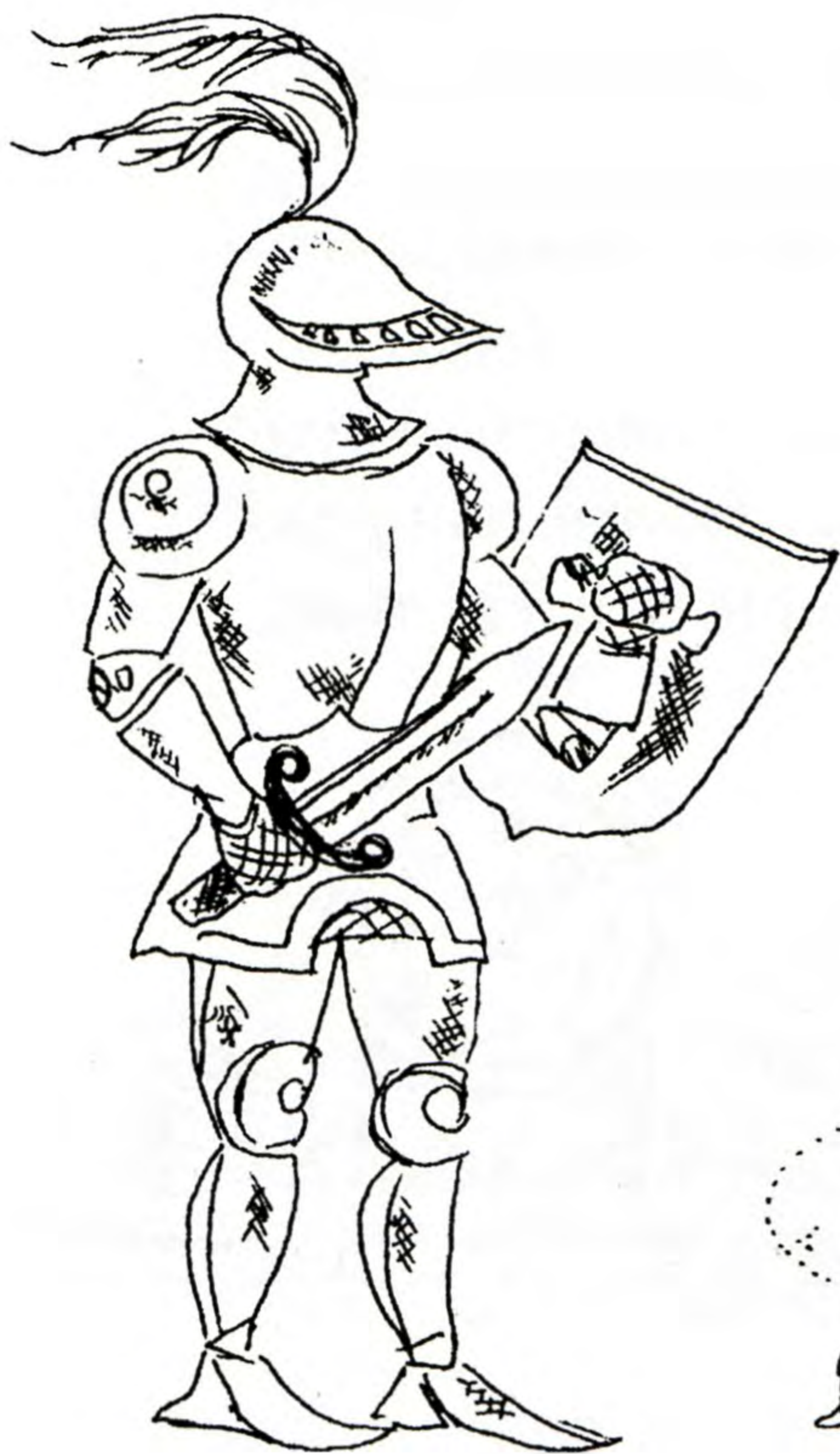
Чернушка шла вперед на цыпочках и Алеше велела следовать за собою тихонько-тихонько.

В конце залы была большая дверь из светлой желтой меди. Лишь только они подошли к ней, как соскочили со стен два рыцаря, ударили копьями об щиты и бросились на черную курицу.

Чернушка подняла хохол, распустила крылья... вдруг сделалась большая-большая, выше рыцарей, и начала с ними сражаться!

Рыцари сильно на нее наступали, а она защищалась крыльями и носом. Алеше сделалось страшно, сердце в нем сильно затрепетало, и он упал в обморок.

Когда пришел он опять в себя, солнце сквозь ставни освещало комнату и он лежал в своей постели: не видно было ни Чернушки, ни рыцарей. Алеша долго не мог опомниться. Он не понимал, что с ним было ночью: во сне ли все то видел или в самом деле это происходило? Он оделся и пошел наверх, но у него не выходило из головы виденное им в прошлую ночь. С нетерпением ожидал он минуты, когда можно ему будет идти играть на двор, но весь тот день,

как нарочно, шел сильный снег, и нельзя было и подумать, чтоб выйти из дому.

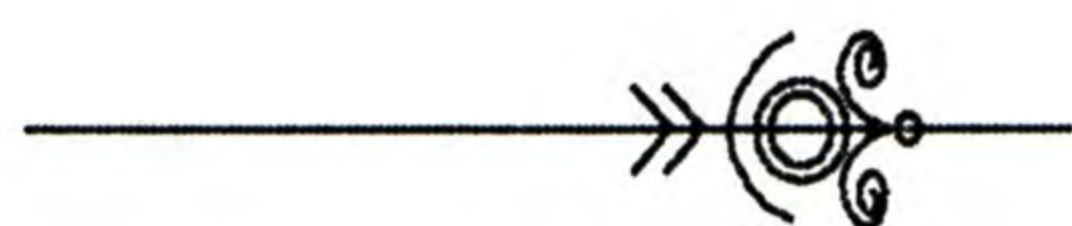
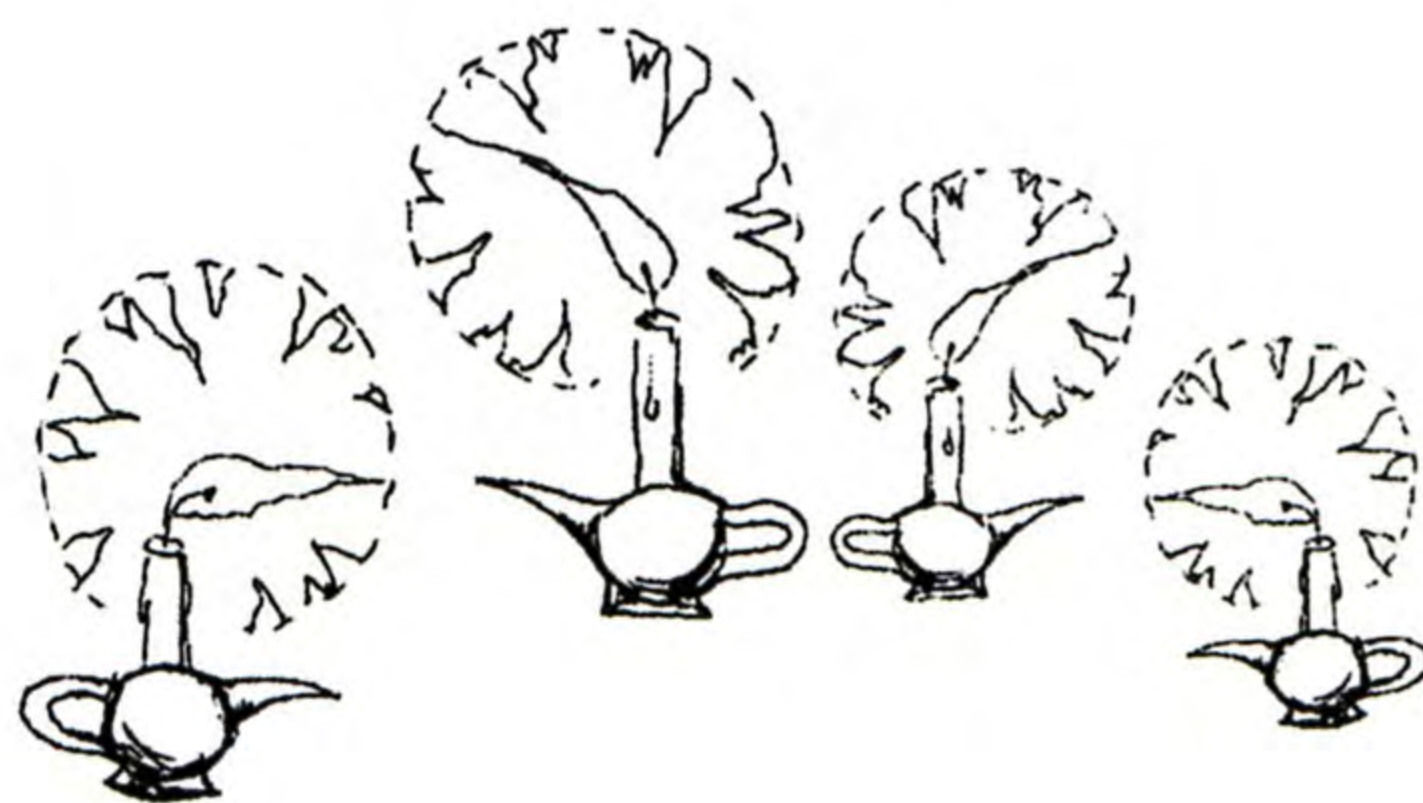
За обедом учительша между прочими разговорами объявила мужу, что черная курица непонятно куда спряталась.

– Впрочем, – прибавила она, – беда невелика, если бы она и пропала: она давно назначена была на кухню. Вообрази себе, душенька, что с тех пор, как она у нас в доме, она не снесла ни одного яичка.

Алеша чуть-чуть не заплакал, хотя и пришло ему на мысль, что лучше, чтоб ее нигде не находили, нежели чтоб попала она на кухню.

После обеда Алеша остался опять один в классных комнатах. Он беспрестанно думал о том, что происходило в прошедшую ночь, и не мог никак утешиться в потере любезной Чернушки. Иногда ему казалось, что он непременно должен ее увидеть в следующую ночь, несмотря на то что она пропала из курятника. Но потом ему казалось, что это дело несбыточное, и он опять погружался в печаль.

Настало время ложиться спать, и Алеша с нетерпением разделся и лег в постель. Не успел он взглянуть на соседнюю кровать, опять освещенную тихим лунным сиянием, как зашевелилась белая простыня – точно так, как накануне... Опять послышался ему голос, его зовущий: «Алеша, Алеша!» – и немного погодя вышла из-под кровати Чернушка и взлетела к нему на постель.

– Ах! здравствуй, Чернушка! – вскричал он вне себя от радости. – Я боялся, что никогда тебя не увижу. Здорова ли ты?

– Здорова, – отвечала курочка, – но чуть было не занемогла по твоей милости.

– Как это, Чернушка? – спросил Алеша, испугавшись.

– Ты добрый мальчик, – продолжала курочка, – но притом ты ветрен и никогда не слушаешься с первого слова, а это нехорошо! Вчера я говорила тебе, чтоб ты ничего не трогал в комнатах старушек, – несмотря на то, ты не мог утерпеть, чтобы не попросить у кошки лапку. Кошка разбудила попугая, попугай старушек, старушки рыцарей – и я насилу с ними сладила!

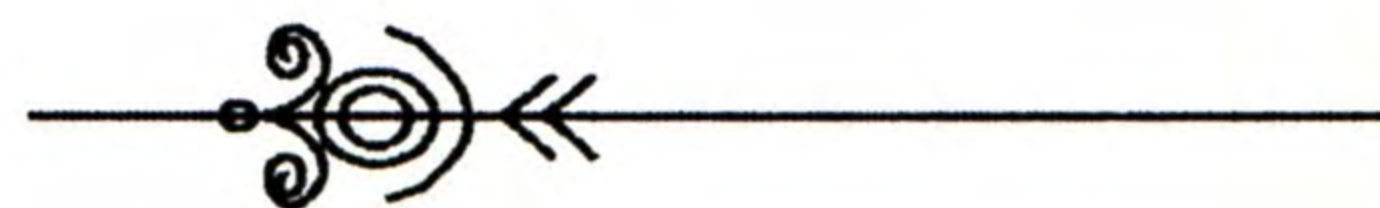
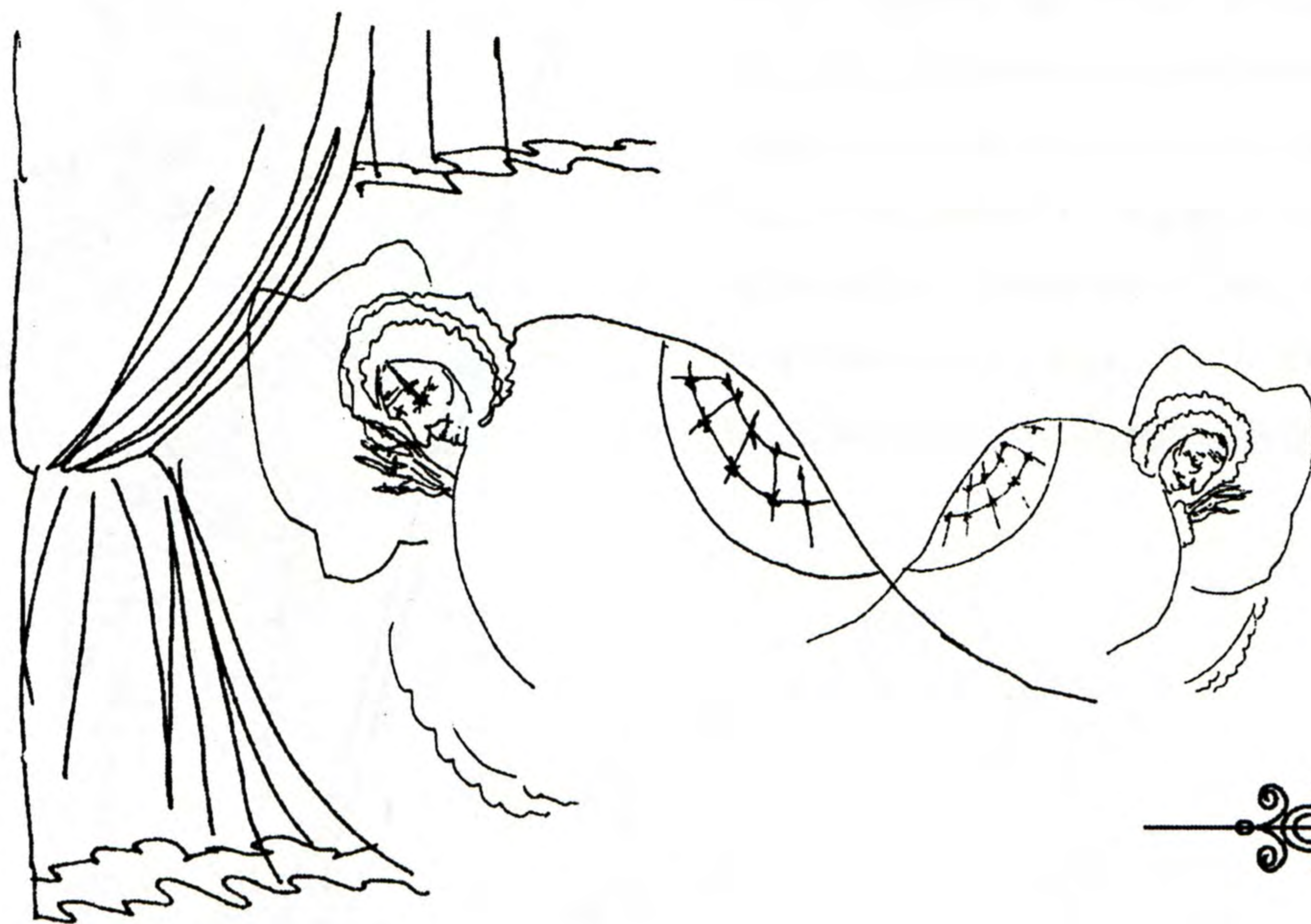
– Виноват, любезная Чернушка, вперед не буду! Пожалуй-ста, поведи меня сегодня опять туда. Ты увидишь, что я буду послушен.

– Хорошо, – сказала курочка, – увидим!

Курочка закудаhtала, как накануне, и те же маленькие свечки явились в тех же серебряных шандалах. Алеша опять оделся и пошел за курицею. Опять вошли они в покои старушек, но в этот раз он уж ни до чего не дотрагивался.

Когда они проходили через первую комнату, то ему показалось, что люди и звери, нарисованные на лежанке, делают раз-

ные смешные гримасы и манят его к себе, но он нарочно от них отвернулся. Во второй комнате

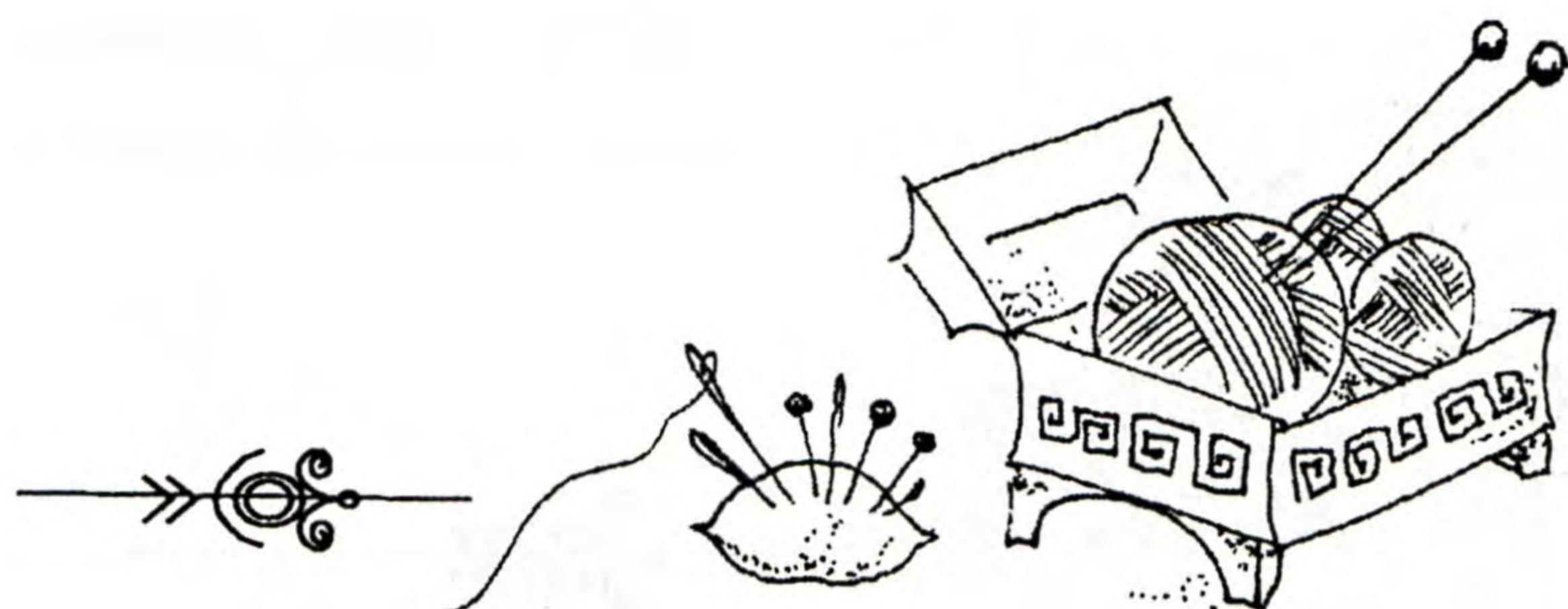

старушки голландки, так же как накануне, лежали в постелях, будто восковые. Попугай смотрел на Алешу и хлопал глазами, серая кошка опять умывалась лапками. На убранном столе перед зеркалом Алеша увидел две фарфоровые китайские куклы, которых вчера он не заметил. Они кивали ему головою; но он помнил приказание Чернушки и прошел не останавливаясь, однако не мог утерпеть, чтоб мимоходом им не поклониться. Куколки тотчас соскочили со стола и побежали за ним, всё кивая головою. Чуть-чуть он не остановился – такими они показались ему забавными; но Чернушка оглянулась на него с сердитым видом, и он опомнился. Куколки проводили их до дверей и, видя, что Алеша на них не смотрит, возвратились на свои места.

Опять спустились они с лестницы, ходили по переходам и коридорам и пришли в ту же залу, освещенную тремя хрустальными люстрами. Те же рыцари висели на стенах, и опять – когда приблизились они к двери из желтой меди – два рыцаря сошли со стены и заступили им дорогу. Казалось, однако, что они не так сердиты были, как накануне; они едва тащили ноги, как осенние мухи, и видно было, что они через силу держали свои копья...

Чернушка сделалась большая и нахохлилась. Но только что ударила их крыльями, как они рассыпались на части, и Алеша увидел, что то были пустые латы! Медная дверь сама собою отворилась, и они пошли далее.

Немного погодя вошли они в другую залу, просторную, но невысокую, так что Алеша мог достать рукою до потолка. Зала эта освещена была такими же маленькими свечками,

какие он видел в своей комнате, но шандалы были не серебряные, а золотые.

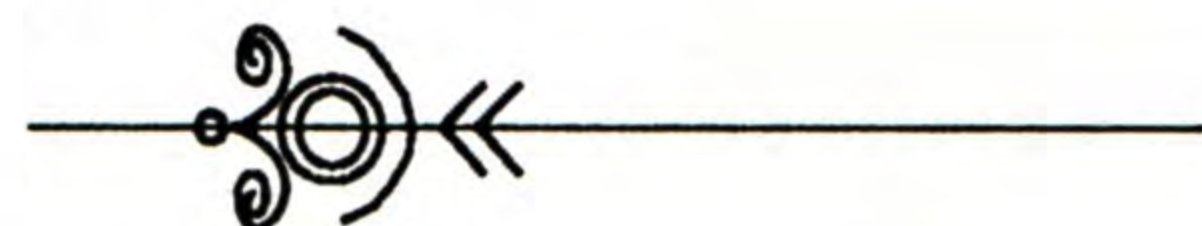
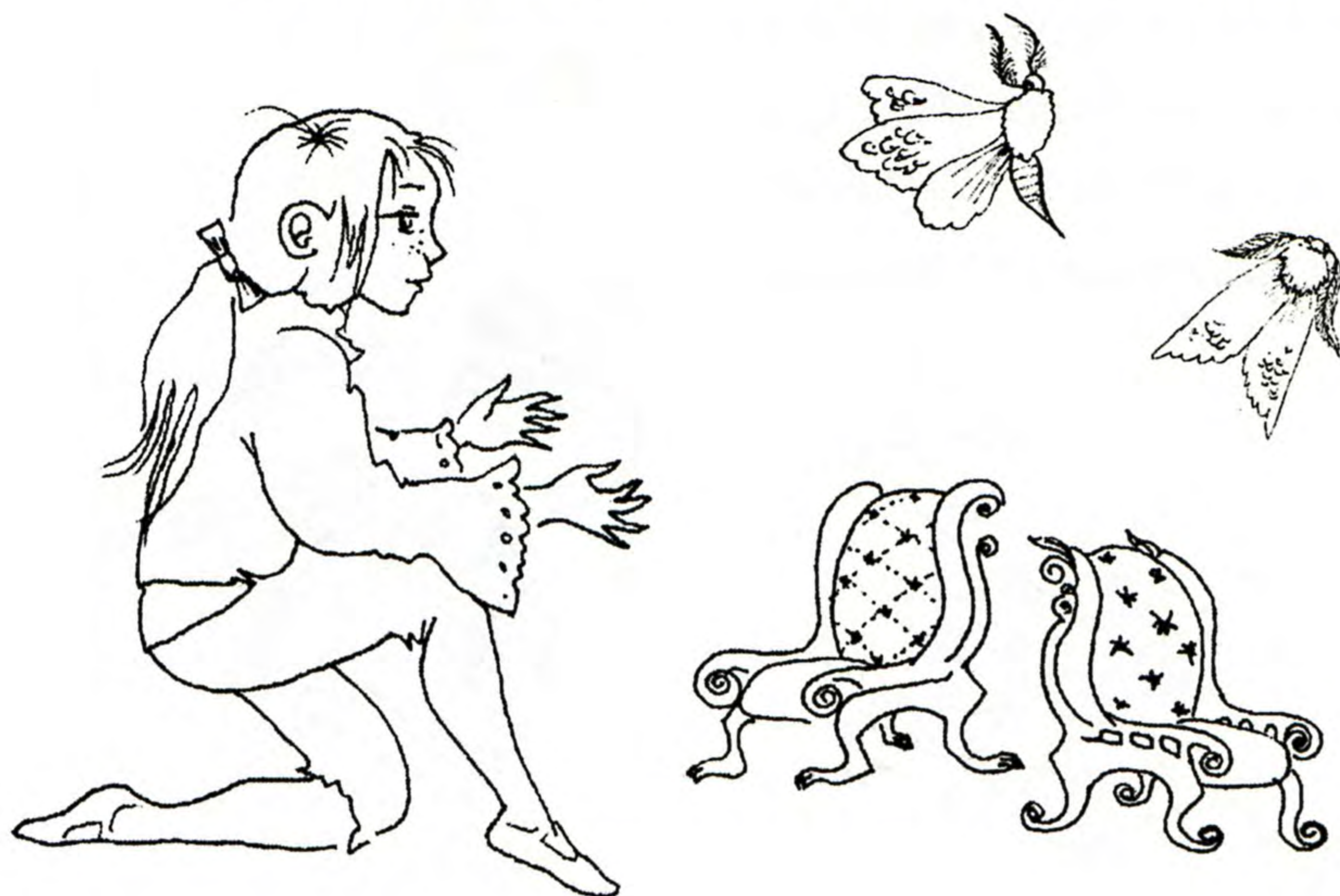
Тут Чернушка оставила Алешу.

– Побудь здесь немного, – сказала она ему, – я скоро приду назад. Сегодня был ты умен, хотя неосторожно поступил, поклонясь фарфоровым куклам. Если б ты им не поклонился, то рыцари остались бы на стене. Впрочем, ты сегодня не разбудил старушек, и оттого рыцари не имели никакой силы. – После сего Чернушка вышла из залы.

Оставшись один, Алеша со вниманием стал рассматривать залу, которая очень богато была убрана. Ему показалось, что стены сделаны из мрамора, какой он видел в минеральном кабинете, имеющемся в пансионе. Панели и двери были из чистого золота. В конце залы, под зеленым балдахином, на возвышенном месте стояли кресла из золота. Алеша очень любовался этим убранством, но странным показалось ему, что все было в самом маленьком виде, как будто для небольших кукол.

Между тем как он с любопытством все рассматривал, открылась боковая дверь, прежде им не замеченная, и вошло множество маленьких людей, ростом не более как с пол-аршина, в нарядных разноцветных платьях. Вид их был важен: иные по одеянию казались военными, другие – гражданскими чиновниками. На всех были круглые с перьями шляпы наподобие испанских. Они

не замечали Алеши, прохаживались чинно по комнатам и громко между собою говорили, но он не мог понять, что они говорили.

Долго смотрел он на них молча и только что хотел подойти к одному из них с вопросом, как отворилась большая дверь в конце залы... Все замолкли, стали к стенам в два ряда и сняли шляпы.

В одно мгновение комната сделалась еще светлее, все маленькие свечки еще ярче загорели, и Алеша увидел двадцать маленьких рыцарей в золотых латах, с пунцовыми на шлемах перьями, которые попарно входили тихим маршем. Потом в глубоком молчании стали они по обеим сторонам кресел. Немного погодя вошел в залу человек с величественною осанкою, на голове с венцом, блестящим драгоценными камнями. На нем была светло-зеленая мантия, подбитая мышьям мехом, с длинным шлейфом, который несли двадцать маленьких пажей в пунцовых платьях.

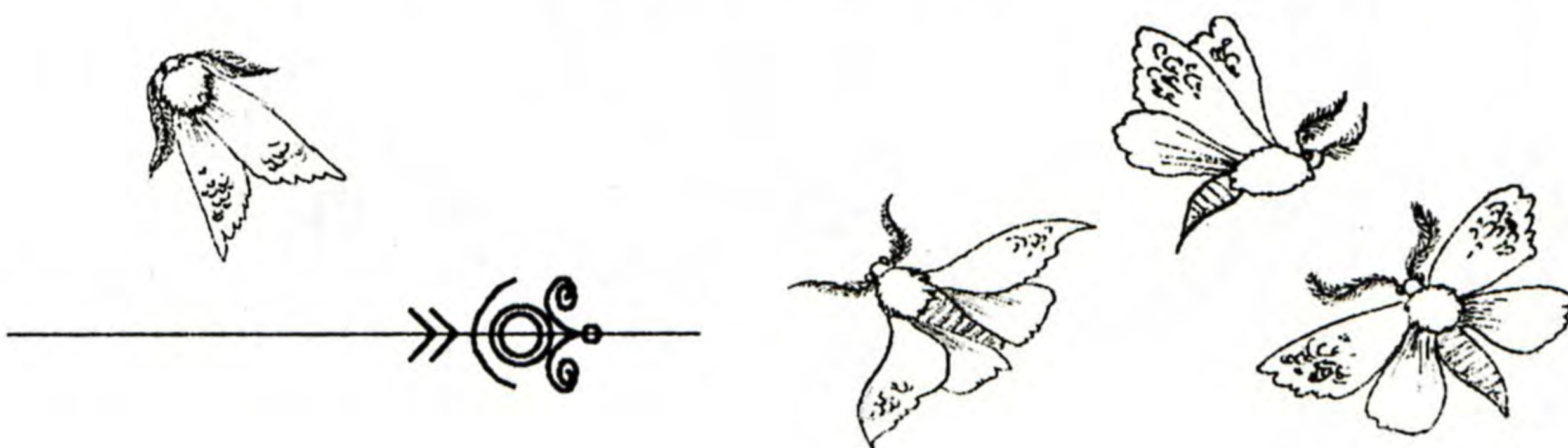
Алеша тотчас догадался, что это должен быть король. Он низко ему поклонился. Король отвечал на поклон его весьма ласково и сел в золотые кресла. Потом что-то приказал одному из стоявших подле него рыцарей, который, подойдя к Алеше, объявил ему, чтоб он приблизился к креслам. Алеша повиновался.

— Мне давно было известно, — сказал король, — что ты добрый мальчик; но третьего дня ты оказал великую услугу моему народу и за то заслуживаешь награду. Мой главный министр донес мне, что ты спас его от неизбежной и жестокой смерти.

— Когда? — спросил Алеша с удивлением.

— Третьего дня на дворе, — отвечал король. — Вот тот, который обязан тебе жизнью.

Алеша взглянул на того, на которого указывал король, и тут только заметил, что между придворными стоял маленький человек, одетый весь в черное. На голове у него была особенного рода шапка малинового цвета, наверху с зубчиками,

надетая немного набок, а на шее белый платок, очень накрахмаленный, отчего казался он немного синеватым. Он умильно улыбался, глядя на Алешу, которому лицо его показалось знакомым, хотя не мог он вспомнить, где его видал.

Сколь для Алеши ни было лестно, что приписывали ему такой благородный поступок, но он любил правду и потому, сделав низкий поклон, сказал:

– Господин король! Я не могу принять на свой счет того, чего никогда не делал. Третьего дня я имел счастье избавить от смерти не министра вашего, а черную нашу курицу, которую не любила кухарка за то, что не снесла она ни одного яйца...

– Что ты говоришь? – прервал его с гневом король. – Мой министр – не курица, а заслуженный чиновник!

Тут подошел министр ближе, и Алеша увидел, что в самом деле это была его любезная Чернушка. Он очень обрадовался и попросил у короля извинения, хотя никак не мог понять, что это значит.

– Скажи мне, чего ты желаешь? – продолжал король. – Если я в силах, то непременно исполню твое требование.

– Говори смело, Алеша! – шепнул ему на ухо министр.

Алеша задумался и не знал, чего пожелать. Если б дали ему более времени, то он, может быть, и придумал бы что-нибудь хорошенькое; но так как ему казалось неучтивым заставить дожидаться короля, то он поспешил ответом.

– Я бы желал, – сказал он, – чтобы, не учившись, я всегда знал урок свой, какой мне ни задали.

– Не думал я, что ты такой ленивец, – отвечал король, покачив головою. – Но делать нечего: я должен исполнить свое обещание.

Он махнул рукою, и паж поднес золотое блюдо, на котором лежало одно конопляное семечко.

– Возьми это семечко, – сказал король. – Пока оно будет у тебя, ты всегда знать будешь урок свой, какой бы тебе ни задали, с тем, однако, условием, чтоб ты ни под каким предлогом никому не сказывал ни одного слова о том, что ты здесь видел или впредь увидишь. Малейшая нескромность лишит тебя навсегда наших милостей, а нам наделает множество хлопот и неприятностей.

Алеша взял конопляное зерно, завернул в бумажку и положил в карман, обещаясь быть молчаливым и скромным. Король

после того встал с кресел и тем же порядком вышел из залы, приказав прежде министру угостить Алешу как можно лучше.

Лишь только король удалился, как окружили Алешу все придворные и начали его всячески ласкать, изъявляя признательность свою за то, что он избавил министра. Они все предлагали ему свои услуги: одни спрашивали, не хочет ли он погулять в саду или посмотреть королевский зверинец; другие приглашали его на охоту. Алеша не знал, на что решиться. Наконец министр объявил, что сам будет показывать подземные редкости дорогому гостю.

Сначала повел он его в сад. Дорожки усеяны были крупными разноцветными камешками, отражавшими свет от бесчисленных маленьких ламп, которыми увешаны были деревья. Этот блеск чрезвычайно понравился Алеше.

— Камни эти, — сказал министр, — у вас называются драгоценными. Это все брильянты, яхонты, изумруды и аметисты.

— Ах, когда бы у нас этим усыпаны были дорожки! — вскричал Алеша.

— Тогда и у вас бы они так же были малоценными, как здесь, — отвечал министр.

Деревья также показались Алеше отменно красивыми, хотя притом очень странными. Они были разного цвета: красные, зеленые, коричневые, белые,

голубые и лиловые. Когда посмотрел он на них со вниманием, то увидел, что это не что

иное, как разного рода мох, только выше и толще обыкновенного. Министр рассказал ему, что мох этот выписан королем за большие деньги из дальних стран из самой глубины земного шара.

Из сада пошли они в зверинец. Там показали Алеше диких зверей, которые привязаны были на золотых цепях. Всматриваясь внимательнее, он, к удивлению своему, увидел, что дикие эти звери были не что иное, как большие крысы, кроты, хорьки и подобные им звери, живущие в земле и под полами. Ему это очень показалось смешно, но он из учтивости не сказал ни слова.

Возвратившись в комнаты после прогулки, Алеша в большой зале нашел накрытый стол, на котором расставлены были разного рода конфеты, пироги, паштеты и фрукты. Блюда все были из чистого золота, а бутылки и стаканы выточены из цельных брильянтов, яхонтов и изумрудов.

– Кушай что угодно, – сказал министр, – с собою же брать ничего не позволяется.

Алеша в тот день хорошо поужинал, и потому ему вовсе не хотелось кушать.

– Вы обещались взять меня с собою на охоту, – сказал он.

– Очень хорошо, – отвечал министр. – Я думаю, что лошади уже оседланы.

Тут он свистнул, и вошли конюхи, ведущие в поводах палочки, у которых набалдашники были резной работы и представляли лошадиные головы. Министр с большою ловкостью вскочил на свою лошадь; Алеше подвели палку гораздо более других.

– Берегись, – сказал министр, – чтоб лошадь тебя не сбросила: она не из самых смирных.

Алеша внутренне смеялся этому, но когда он взял палку между ног, то увидел, что совет министра был небесполезен. Палка начала под ним увертываться, как настоящая лошадь, и он насилу мог усидеть.

Между тем затрубили в рога, и охотники пустились скакать во всю прыть по разным переходам и коридорам. Долго они так скакали, и Алеша от них не отставал, хотя с трудом мог сдерживать бешеную палку свою...

Вдруг из одного бокового коридора выскочило несколько крыс, таких больших, каких Алеша никогда не видывал.

Они хотели пробежать мимо, но когда министр приказал их окружить, то они остановились и начали защищаться храбро. Несмотря, однако, на то, они были побеждены мужеством и искусством охотников. Восемь крыс легли на месте, три обратились в бегство, а одну, довольно тяжело раненную, министр велел вылечить и отвести в зверинец.

По окончании охоты Алеша так устал, что глазки его невольно закрывались... при всем том ему хотелось обо многом поговорить с Чернушкою, и он попросил позволения возвратиться в залу, из которой они выехали на охоту. Министр на то согласился.

Большою рысью поехали они назад и по прибытии в залу отдали лошадей конюхам, расклялись с придворными и охотниками и сели друг подле друга на принесенные им стулья.

– Скажи, пожалуйста, – начал Алеша, – зачем вы убили бедных крыс, которые вас не беспокоят и живут так далеко от вашего жилища?

– Если б мы их не истребляли, – сказал министр, – то они вскоре бы нас выгнали из комнат наших и истребили бы все наши съестные припасы. К тому же мышь и крысы меха у нас в высокой цене по причине их легкости и мягкости. Одним знатным особам дозволено их у нас употреблять.

– Да расскажи мне, пожалуйста, кто вы такой? – продолжал Алеша.

– Неужели ты никогда не слыхал, что под землею живет народ наш? – отвечал министр. – Правда, не многим удастся нас видеть, однако бывали примеры, особливо в старину, что мы выходили на свет и показывались людям. Теперь это редко случается, потому что люди сделались очень нескромны. А у нас существует закон, что если тот, кому мы показались, не сохранит этого в тайне, то мы принуждены бываем немедленно оставить местопребывание наше и идти далеко-далеко, в другие страны. Ты легко представить себе можешь, что королю нашему невесело было бы оставить все здешние заведения и с целым народом

переселиться в неизвестные земли. И потому убедительно тебя прошу быть как можно скромнее. В противном случае ты нас всех сделаешь несчастными, а особенно меня. Из благодарности я упрощу короля призвать тебя сюда; но он никогда мне не простит, если по твоей нескромности мы принуждены будем оставить этот край...

– Я даю тебе честное слово, что никогда не буду ни с кем об вас говорить, – прервал его Алеша. – Я теперь вспомнил, что читал в одной книжке о гномах, которые живут под землею. Пишут, что в некотором городе очень разбогател один сапожник в самое короткое время, так, что никто не понимал, откуда взялось его богатство. Наконец как-то узнали, что он шил сапоги и башмаки на гномов, плативших ему за то очень дорого.

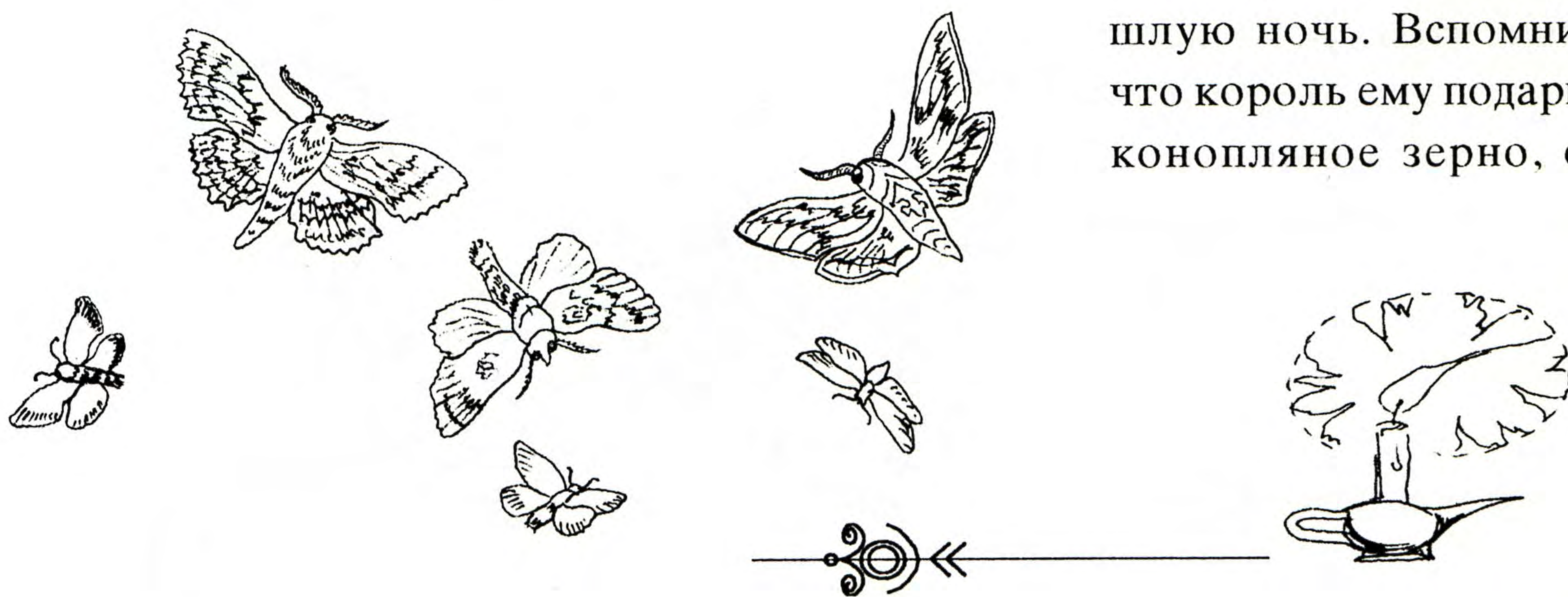
– Быть может, что это правда, – отвечал министр.

– Но, – сказал ему Алеша, – объясни мне, любезная Чернушка, отчего ты, будучи министром, являешься в свет в виде курицы и какую связь имеете вы со старушками голландками?

Чернушка, желая удовлетворить его любопытство, начала было рассказывать ему подробно о многом, но при самом начале ее рассказа глаза Алешины закрылись и он крепко заснул. Проснувшись на другое утро, он лежал в своей постели.

Долго не мог он опомниться и не знал, что ему думать... Чернушка и министр, король и рыцари, голландки и крысы – все это смешалось в его голове, и он насилу мысленно привел в порядок

все, виденное им в прошлую ночь. Вспомнив, что король ему подарил конопляное зерно, он

поспешно бросился к своему платью и действительно нашел в кармане бумажку, в которой завернуто было конопляное семечко. «Увидим, – подумал он, – сдержит ли слово свое король! Завтра начнутся классы, а я еще не успел выучить всех своих уроков».

Исторический урок особенно его беспокоил: ему задано было выучить наизусть несколько страниц из всемирной истории, а он не знал еще ни одного слова!

Настал понедельник, съехались пансионеры, и начались уроки. От десяти часов до двенадцати преподавал историю сам содержатель пансиона.

У Алеши сильно билось сердце... Пока дошла до него очередь, он несколько раз ощупывал лежащую в кармане бумажку с конопляным зернышком... Наконец его вызвали. С трепетом подошел он к учителю, открыл рот, сам еще не зная, что сказать, и безошибочно, не останавливаясь, проговорил заданное. Учитель очень его хвалил; однако Алеша не принимал его хвалу с тем удовольствием, которое прежде чувствовал он в подобных случаях. Внутренний голос ему говорил, что он не заслуживает этой похвалы, потому что урок этот не стоил ему никакого труда.

В продолжение нескольких недель учителя не могли нахвалиться Алешей. Все уроки без исключения знал он совершенно, все переводы с одного языка на другой были без ошибок, так, что не могли надивиться чрезвычайным его успехам. Алеша внутренне стыдился этих похвал: ему совестно было, что ставили его в пример товарищам, тогда как он вовсе того не заслуживал.

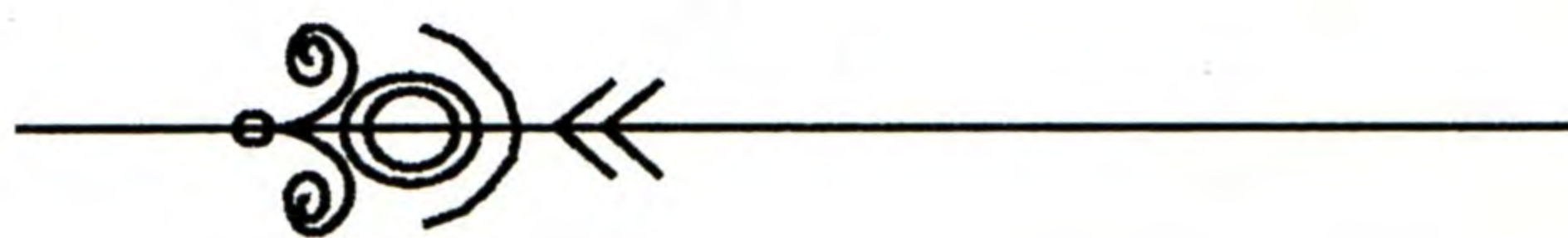

В течение этого времени Чернушка к нему не являлась, несмотря на то что Алеша, особливо в первые недели после получения конопляного зернышка, не пропускал почти ни одного дня без того, чтобы ее не звать, когда ложился спать. Сначала он очень о том горевал, но потом успокоился мыслию, что она, вероятно, занята важными делами по своему званию. Впоследствии же похвалы, которыми все его осыпали, так его заняли, что он довольно редко о ней вспоминал.

Между тем слух о необыкновенных его способностях разнесся вскоре по целому Петербургу. Сам директор училищ приезжал несколько раз в пансион и любовался Алешею. Учитель носил его на руках, ибо чрез него пансион вошел в славу. Со всех концов города съезжались родители и приставали к нему, чтоб он детей их принял к себе, в надежде, что и они такие же будут ученые, как Алеша.

Вскоре пансион так наполнился, что не было уже места для новых пансионеров, и учитель с учительшею начали помышлять о том, чтоб нанять дом гораздо просторнее того, в котором они жили.

Алеша, как сказал я уже выше, сначала стыдился похвал, чувствуя, что вовсе их не заслуживает, но мало-помалу он стал к ним привыкать, и наконец самолюбие его дошло до того, что он принимал, не краснея, похвалы, которыми его осыпали. Он много стал о себе думать, важничал перед другими мальчиками и вообразил себе, что он гораздо лучше и умнее всех их.

Нрав Алешин от этого совсем испортился: из доброго, милого и скромного мальчика он сделался гордым и непослушным. Совесть часто его в том упрекала, и внутренний голос ему говорил: «Алеша, не гордись! Не приписывай самому себе того, что не тебе принадлежит; благодари судьбу за то, что она тебе доставила выгоды против других детей, но не думай, что ты лучше их. Если ты не исправишься, то никто тебя любить не будет, и тогда ты, при всей своей учености, будешь самое несчастное дитя!»

Иногда он и принимал намерение исправиться; но, к несчастью, самолюбие так в нем было сильно, что заглушало голос совести, и он день ото дня становился хуже, и день ото дня товарищи менее его любили.

Притом Алеша сделался страшным шалуном. Не имея нужды твердить уроки, которые ему задавали, он в то время, когда другие дети готовились к классам, занимался шалостями, и эта праздность еще более портила его нрав.

Наконец он так надоел всем дурным своим нравом, что учитель серьезно начал думать о средствах к исправлению такого дурного мальчика и для того задавал ему уроки вдвое и втрое большие, нежели другим; но и это несколько не помогало. Алеша вовсе не учился, а все-таки знал урок с начала до конца, без малейшей ошибки.

Однажды учитель, не зная, что с ним делать, задал ему выучить наизусть страниц двадцать к другому утру и надеялся, что он по крайней мере в этот день будет смирнее.

Куда! Наш Алеша и не думал об уроке! В этот день он нарочно шалил более обыкновенного, и учитель тщетно грозил ему наказанием, если на другое утро не будет он знать урока. Алеша внутренне смеялся этим угрозам, будучи уверен, что конопляное семечко поможет ему непременно.

На следующий день, в назначенный час, учитель взял в руки книжку, из которой задан был урок Алеше, подозвал его к себе и велел проговорить заданное. Все дети с любопытством обратили на Алешу внимание, и сам учитель не знал, что подумать, когда Алеша, несмотря на то что вовсе накануне не твердил урока, смело встал со скамейки и подошел к нему. Алеша нимало не сомневался в том, что и этот раз ему удастся показать свою необыкновенную способность; он раскрыл рот... и не мог выговорить ни слова!

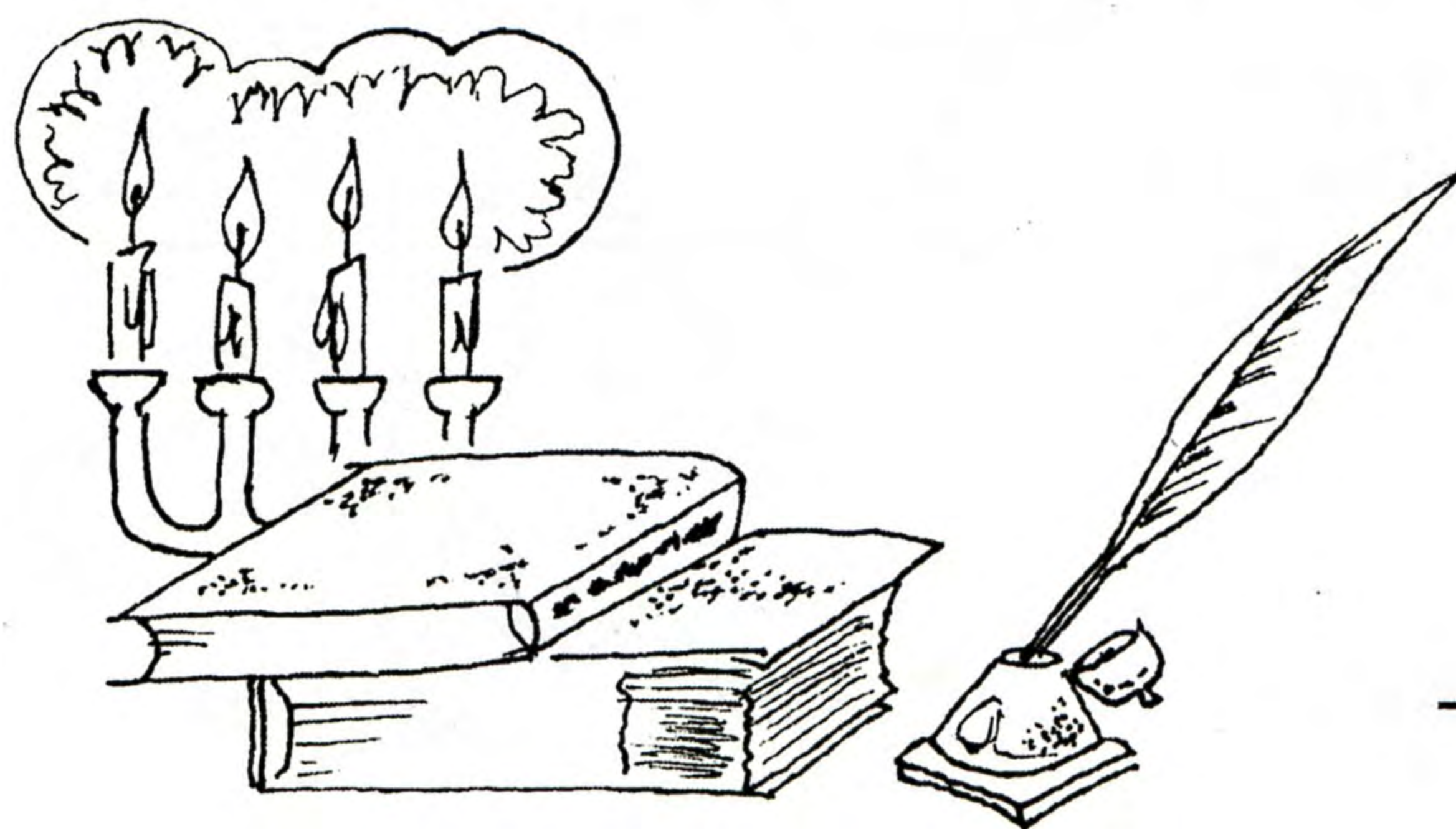
– Что ж вы молчите? – сказал ему учитель. – Говорите урок.

Алеша покраснел, потом побледнел, опять покраснел, начал мять свои руки, слезы у него от страха навернулись на глазах... все тщетно! Он не мог выговорить ни одного слова, потому что, надеясь на конопляное зерно, он даже и не заглядывал в книгу.

– Что это значит, Алеша? – закричал учитель. – Почему вы не хотите говорить?

Алеша сам не знал, чему приписать такую странность, всунул руку в карман, чтобы ощупать семечко... Но как описать его отчаяние, когда он его не нашел! Слезы градом полились из глаз его... он горько плакал и все-таки не мог сказать ни слова.

Между тем учитель терял терпение. Привыкнув к тому, что Алеша всегда отвечал безоши-

бочно и не запинаясь, ему казалось невозможным, чтоб он не знал по крайней мере начала урока, и потому приписывал молчание его упрямству.

– Подите в спальню, – сказал он, – и оставайтесь там, пока совершенно будете знать урок.

Алешу отвели в нижний этаж, дали ему книгу и заперли дверь ключом.

Лишь только он остался один, как начал везде искать конопляное зернышко. Он долго шарил у себя в карманах, ползал по полу, смотрел под кроватью, перебирал одеяло, подушки, простыню – все напрасно! Нигде не было и следов любезного зернышка! Он старался вспомнить, где он мог его потерять, и наконец уверился, что выронил его как-нибудь накануне, играя во дворе.

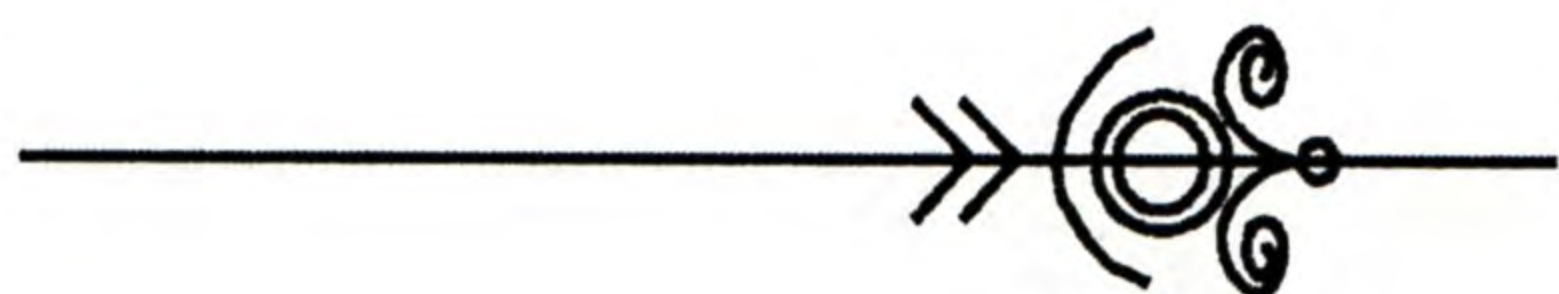
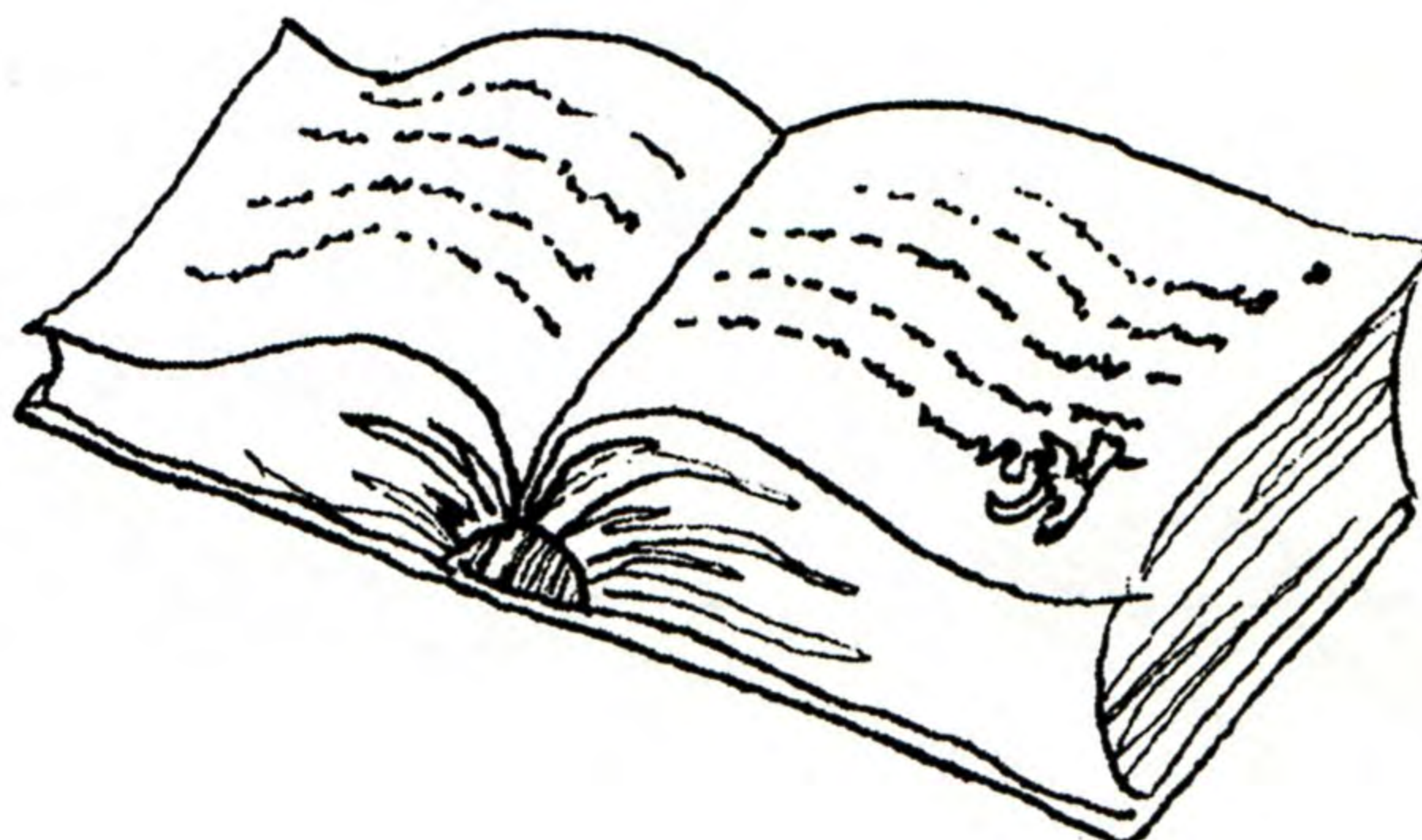
Но каким образом найти его? Он заперт был в комнате, а если б и позволили выйти на двор, так и это, вероятно, ни к чему бы не послужило, ибо он знал, что курочки лакомы на коноплю и зернышко его, верно, которая-нибудь из них успела склевать! Отчаявшись отыскать его, он вздумал призвать к себе на помощь Чернушку.

– Милая Чернушка, – говорил он, – любезный министр! пожалуйста, явись мне и дай другое зернышко! Я, право, вперед буду осторожнее...

Но никто не отвечал на его просьбы, и он наконец сел на стул и опять принялся горько плакать.

Между тем настала пора обедать; дверь отворилась, и вошел учитель.

– Знаете ли вы теперь урок? – спросил он у Алеши. Алеша, громко всхлипывая, принужден был сказать, что не знает.

– Ну, так оставайтесь здесь, пока выучите! – сказал учитель, велел подать ему стакан воды и кусок ржаного хлеба и оставил его опять одного.

Алеша стал твердить наизусть, но ничего не входило ему в голову. Он давно отвык от занятий, да и как вытвердить двадцать печатных страниц! Сколько он ни трудился, сколько ни напрягал свою память, но, когда настал вечер, он не знал более двух или трех страниц, да и то плохо.

Когда пришло время другим детям ложиться спать, все товарищи его разом нагрянули в комнату, и с ними пришел опять учитель.

– Алеша! знаете ли вы урок? – спросил он. И бедный Алеша сквозь слезы отвечал:

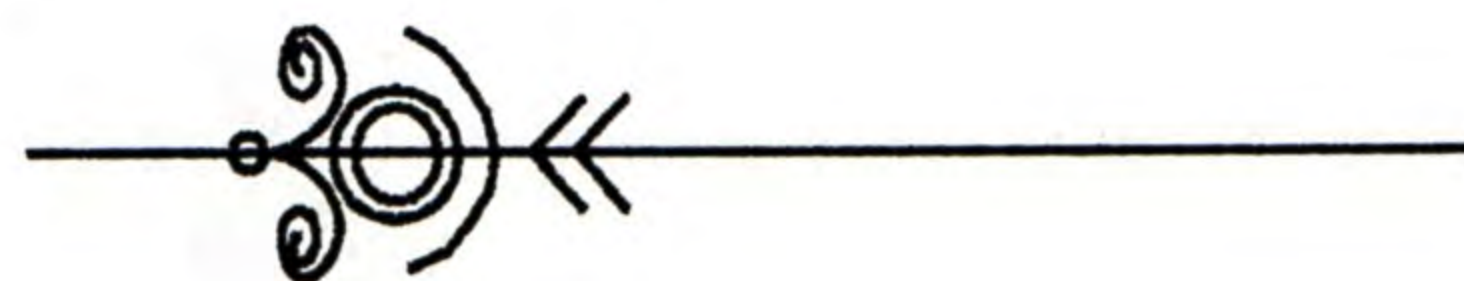
– Знаю только две страницы.

– Так, видно, и завтра придется вам просидеть здесь на хлебе и на воде, – сказал учитель, пожелал другим детям покойного сна и удалился.

Алеша остался с товарищами. Тогда, когда он был добрым и скромным, все его любили, и если, бывало, подвергался он наказанию, то все о нем жалели, и это ему служило утешением. Но теперь никто не обращал на него внимания: все с презрением на него смотрели и не говорили с ним ни слова.

Он решился сам начать разговор с одним мальчиком, с которым в прежнее время был очень дружен, но тот от него отворотился не отвечая. Алеша обратился к другому, но и тот говорить

с ним не хотел и даже оттолкнул его от себя, когда он опять с ним заговорил. Тут несчастный Але-

ша почувствовал, что он заслуживает такое с ним обхождение товарищей. Обливаясь слезами, лег он в свою постель, но никак не мог заснуть. Долго лежал он таким образом и с горестью вспоминал о минувших счастливых днях. Все дети уже наслаждались сладким сном, один только он заснуть не мог. «И Чернушка меня оставила», – подумал Алеша, и слезы вновь полились у него из глаз.

Вдруг... простыня у соседней кровати зашевелилась, подобно как в первый тот день, когда к нему явилась черная курица.

Сердце в нем стало биться сильнее... он желал, чтоб Чернушка вышла опять из-под кровати, но не смел надеяться, что желание его исполнится.

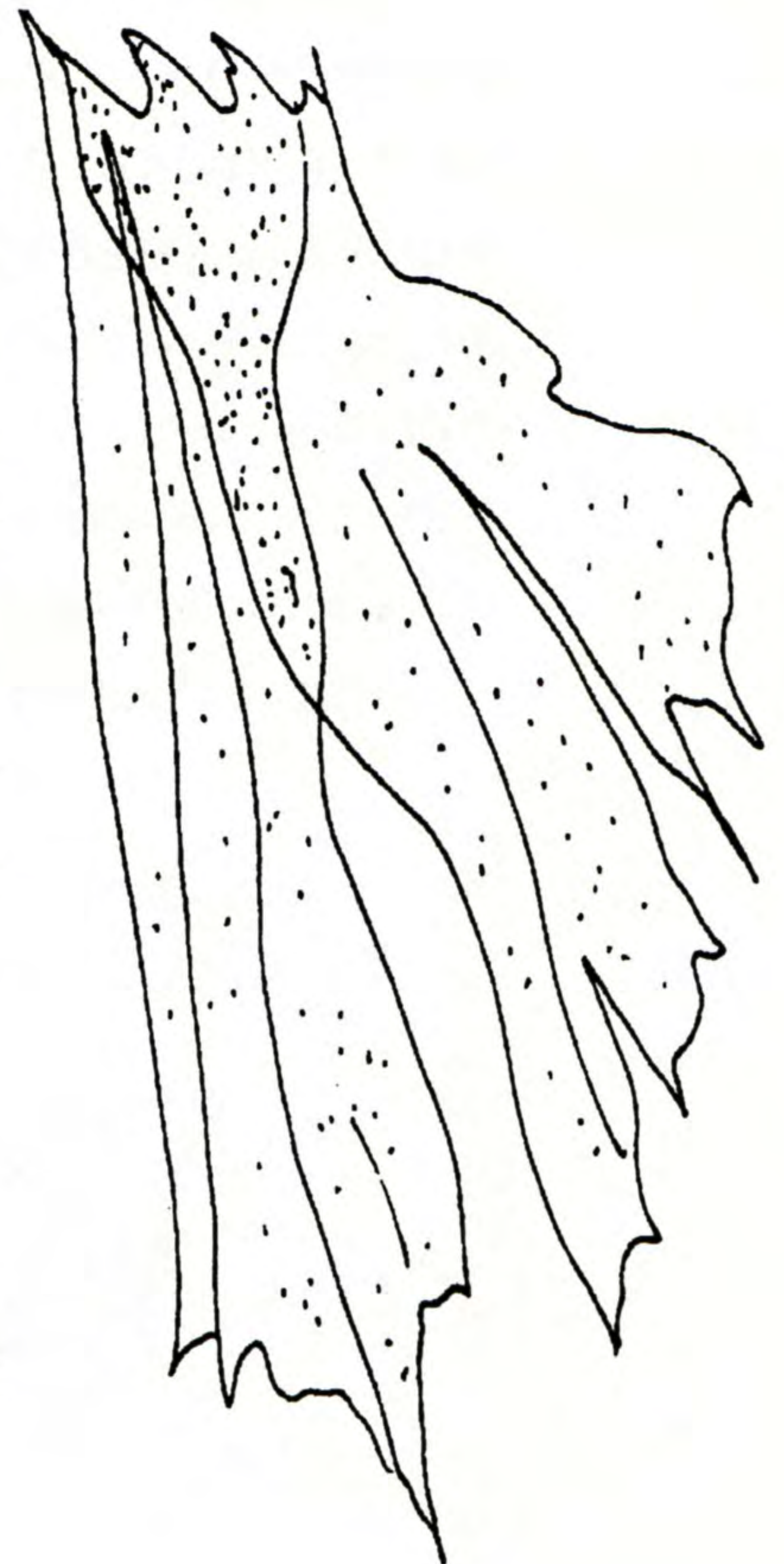
– Чернушка, Чернушка! – сказал он наконец вполголоса.

Простыня приподнялась, и к нему на постель взлетела черная курица.

– Ах, Чернушка! – сказал Алеша вне себя от радости, – я не смел надеяться, что с тобой увижусь! Ты меня не забыла?

– Нет, – отвечала она, – я не могу забыть оказанной тобою услуги, хотя тот Алеша, который спас меня от смерти, вовсе не похож на того, которого теперь перед собою вижу. Ты тогда был добрый мальчик, скромный и учтивый, и все тебя любили, а теперь... я не узнаю тебя!

Алеша горько заплакал, а Чернушка продолжала давать ему наставления. Долго она с ним разговаривала и со слезами упрашивала его исправиться. Наконец, когда уже начинал показываться дневной свет, курочка ему сказала:

– Теперь я должна тебя оставить, Алеша! Вот конопляное зерно, которое выронил ты на дворе. Напрасно ты думал, что потерял его навсегда. Король наш слишком великодушен, чтоб лишить тебя этого дара за твою неосторожность. Помни, однако, что ты дал честное слово сохранять в тайне все, что тебе о нас известно... Алеша, к теперешним худым свойствам твоим не прибавь еще худшего – неблагодарности!

Алеша с восхищением взял любезное свое семечко из лапок курицы и обещался употребить все силы свои, чтоб исправиться.

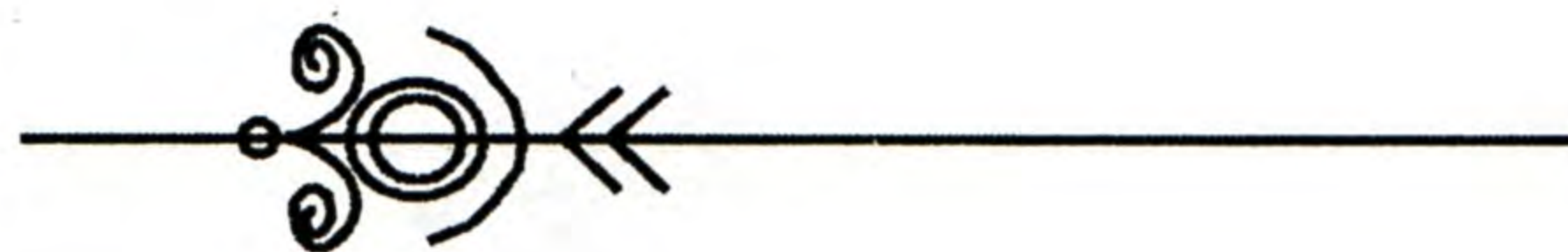
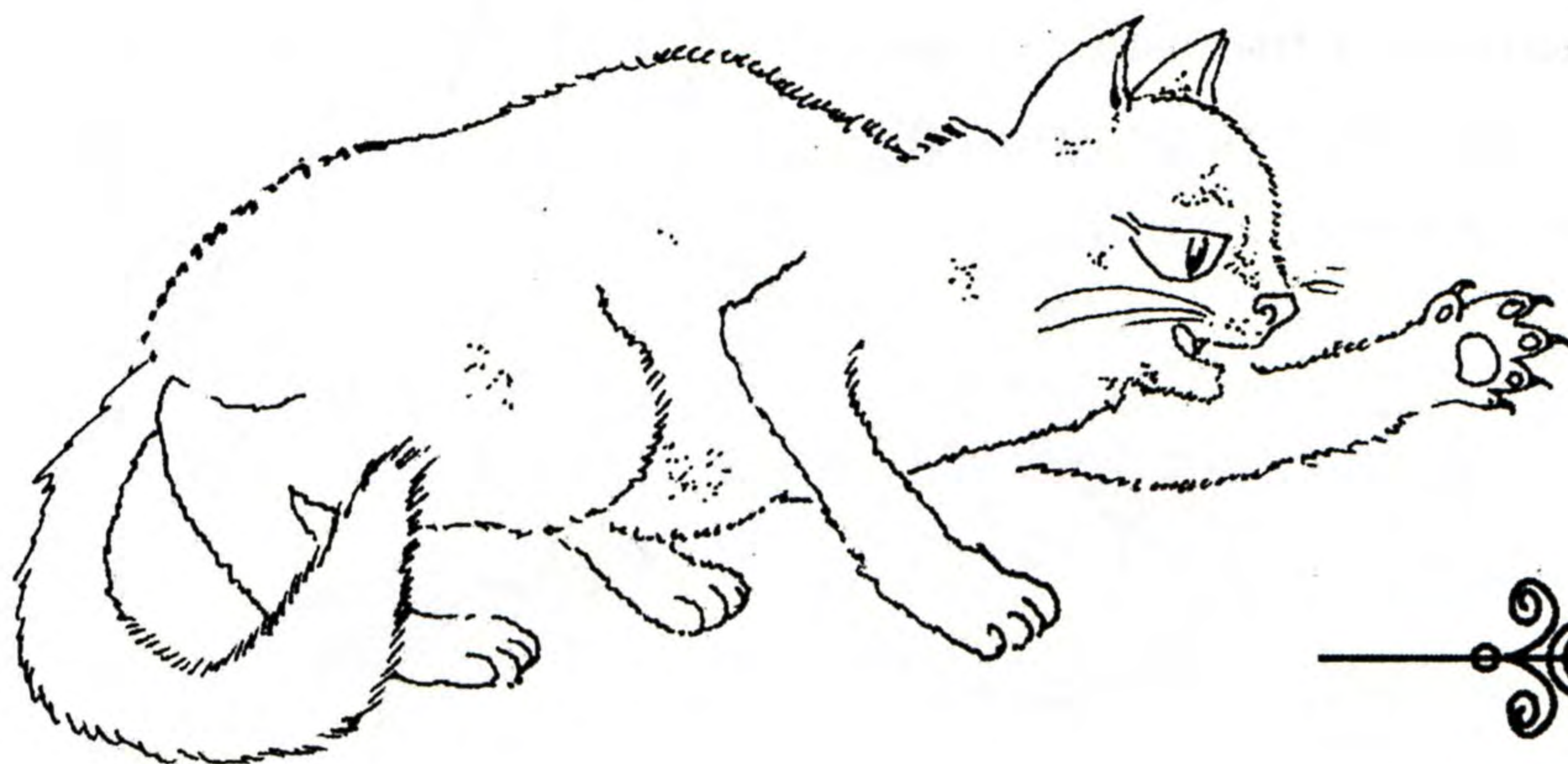
– Ты увидишь, милая Чернушка, – сказал он, – что я сегодня же совсем другой буду.

– Не полагай, – отвечала Чернушка, – что так легко исправиться от пороков, когда они уже взяли над нами верх. Пороки обыкновенно входят в дверь, а выходят в щелочку, и потому если хочешь исправиться, то должен беспрестанно и строго смотреть за собою. Но прощай, пора нам расстаться!

Алеша, оставшись один, начал рассматривать свое зернышко и не мог им налюбоваться. Теперь-то он совершенно спокоен был насчет урока, и вчерашнее горе не оставило в нем никаких следов. Он с радостью думал о том, как будут все удивляться, когда он безошибочно проговорит двадцать страниц, и мысль, что он опять возьмет верх над товарищами, которые не хотели с ним говорить, ласкала его самолюбие. Об исправлении самого себя он хотя и не забыл, но думал, что это не может быть так трудно, как говорила Чернушка. «Будто не от меня зависит исправиться! –

мыслил он. – Стоит только захотеть, и все опять меня любить будут...»

Увы! бедный Алеша не знал, что для исправ-

ления самого себя необходимо начать тем, чтоб откинуть самолюбие и излишнюю самонадеянность.

Когда поутру собрались дети в классы, Алешу позвали наверх. Он вошел с веселым и торжествующим видом.

– Знаете ли вы урок ваш? – спросил учитель, взглянув на него строго.

– Знаю, – отвечал Алеша смело.

Он начал говорить и проговорил все двадцать страниц без малейшей ошибки и остановки. Учитель был вне себя от удивления, а Алеша гордо посматривал на своих товарищей.

От глаз учителя не скрылся гордый вид Алешин.

– Вы знаете урок свой, – сказал он ему, – это правда, но зачем вы вчера не хотели его сказать?

– Вчера я не знал его, – отвечал Алеша.

– Быть не может! – прервал его учитель. – Вчера ввечеру вы мне сказали, что знаете только две страницы, да и то плохо, а теперь без ошибки проговорили все двадцать! Когда же вы его выучили?

Алеша замолчал. Наконец дрожащим голосом сказал он:

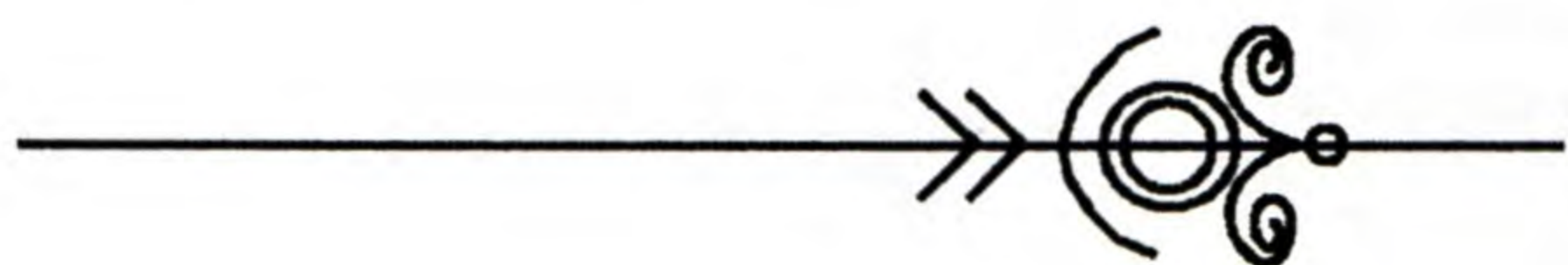
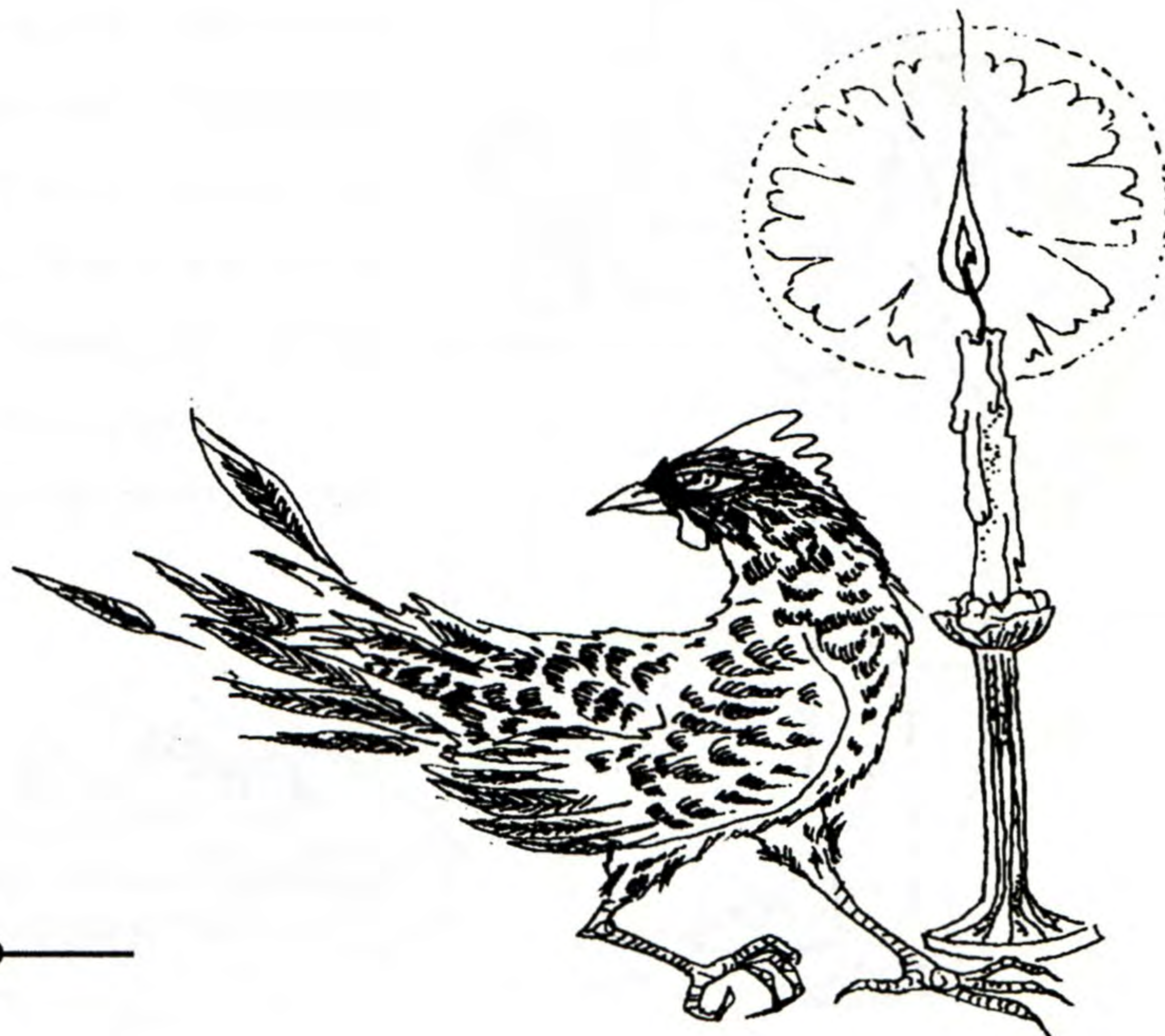
– Я выучил его сегодня поутру!

Но тут вдруг все дети, огорченные его надменностью, закричали в один голос:

– Он неправду говорит, он и книги в руки не брал сегодня поутру!

Алеша вздрогнул, потупил глаза в землю и не сказал ни слова.

– Отвечайте же! – продолжал учитель. – Когда выучили вы урок?

Но Алеша не прерывал молчания: он так поражен был этим неожиданным вопросом и недоброжелательством, которое оказывали ему все его товарищи, что не мог опомниться.

Между тем учитель, полагая, что он накануне не хотел отвечать урока из упрямства, счел за нужное строго наказать его.

– Чем более вы от природы имеете способностей и дарований, – сказал он Алеше, – тем скромнее и послушнее вы должны быть. Не для того дан вам ум, чтоб вы во зло его употребляли. Вы заслуживаете наказания за вчерашнее упрямство, а сегодня вы еще увеличили вину вашу тем, что солгали. Господа! – продолжал учитель, обратясь к пансионерам, – запрещаю всем вам говорить с Алешей до тех пор, пока он совершенно исправится. А так как, вероятно, для него это небольшое наказание, то велите подать розги.

Принесли розги... Алеша был в отчаянии! В первый еще раз с тех пор, как существовал пансион, наказывали розгами, и кого же – Алешу, который так много о себе думал, который считал себя лучше и умнее всех! Какой стыд!..

Он, рыдая, бросился к учителю и обещался совершенно исправиться.

– Надо было думать об этом прежде, – был ему ответ. Слезы и раскаяние Алеши тронули товарищей, и они начали просить за него. А Алеша, чувствуя, что не заслужил их сострадания, еще горше стал плакать. Наконец учитель сжалился.

– Хорошо! – сказал он, – я прощу вас ради просьбы товарищей ваших, но с тем,

чтобы вы пред всеми признались в вашей вине и объявили, когда вы выучили заданный урок.

Алеша совершенно потерял голову... он забыл обещание, данное подземному королю и его министру, и начал рассказывать о черной курице, о рыцарях, о маленьких людях...

Учитель не дал ему договорить...

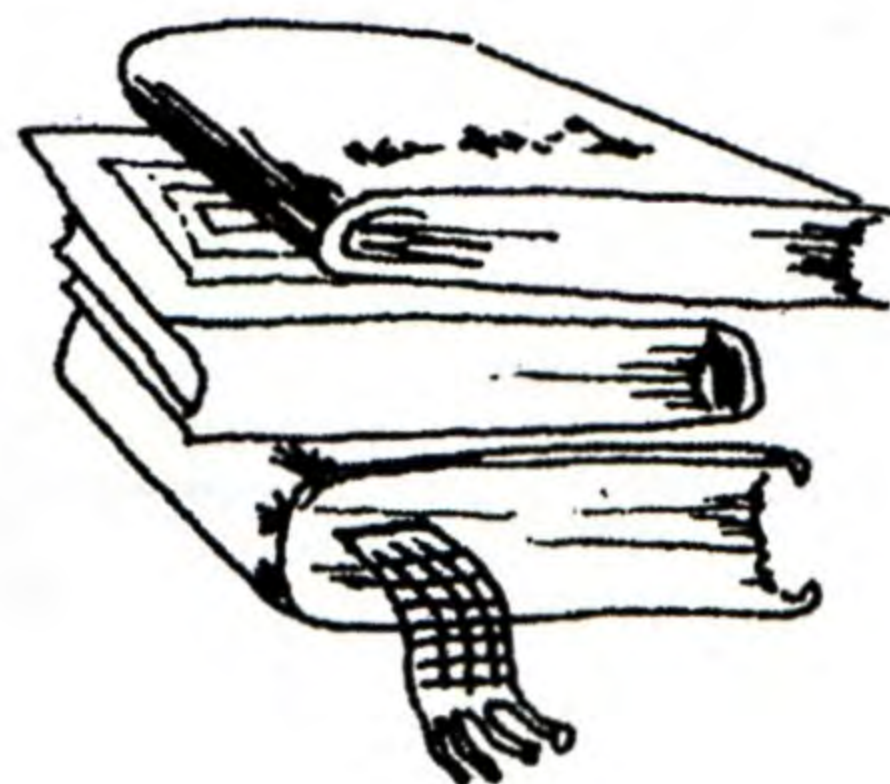
– Как! – вскричал он с гневом. – Вместо того чтобы раскаяться в дурном поведении вашем, вы меня еще вздумали дурачить, рассказывая сказку о черной курице?.. Этого слишком уже много. Нет, дети, вы видите сами, что его нельзя не наказать!

И бедного Алешу высекли!

С поникшею головою, с растерзанным сердцем Алеша пошел в нижний этаж, в спальные комнаты. Он был как убитый... Стыд и раскаяние наполняли его душу. Когда чрез несколько часов он немного успокоился и положил руку в карман... конопляного зернышка в нем не было! Алеша горько заплакал, чувствуя, что потерял его навсегда!

Вечеру, когда другие дети пришли спать, он тоже лег в постель, но заснуть никак не мог. Как раскаивался он в дурном поведении своем! Он решительно принял намерение исправиться, хотя чувствовал, что конопляное зернышко возвратить невозможно!

Около полуночи пошевелилась опять простыня у соседней кровати...

Алеша, который накануне этому радовался, теперь закрыл глаза: он боялся увидеть Чернушку! Совесть его мучила. Он вспомнил, что еще вчера так уверительно говорил Чернушке, что непременно исправится, – и вместо того... Что он ей теперь скажет?

Несколько времени лежал он с закрытыми глазами. Ему слышался шорох от поднимающейся простыни... Кто-то подошел к его кровати, и голос, знакомый голос, назвал его по имени:

– Алеша, Алеша!

Но он стыдился открыть глаза, а между тем слезы из них катились и текли по его щекам...

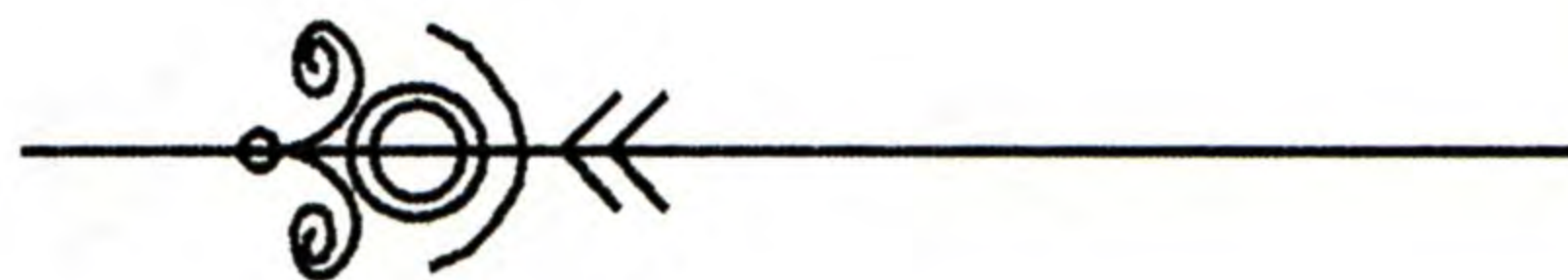
Вдруг кто-то дернул за одеяло. Алеша невольно взглянул: перед ним стояла Чернушка – не в виде курицы, а в черном платье, в малиновой шапочке с зубчиками и в белом накрахмаленном шейном платке, точно как он видел ее в подземной зале.

– Алеша! – сказал министр, – я вижу, что ты не спишь... Прощай! Я пришел с тобою проститься, более мы не увидимся!..

Алеша громко зарыдал.

– Прощай! – воскликнул он, – прощай! И, если можешь, прости меня! Я знаю, что виноват перед тобою, но я жестоко за то наказан!

– Алеша! – сказал сквозь слезы министр, – я тебя прощаю; не могу забыть, что ты спас жизнь мою, и все тебя люблю, хотя ты сделал меня несчастным, может быть, навеки!.. Прощай! Мне позволено видаться с тобою на самое короткое время. Еще в течение нынешней ночи король с це-

лым народом своим должен переселиться далеко-далеко от здешних мест! Все в отчаянии, все проливают слезы. Мы несколько столетий жили здесь так счастливо, так покойно!..

Алеша бросился целовать маленькие ручки министра. Схватив его за руку, он увидел на ней что-то блестящее, и в то же самое время какой-то необыкновенный звук поразил его слух...

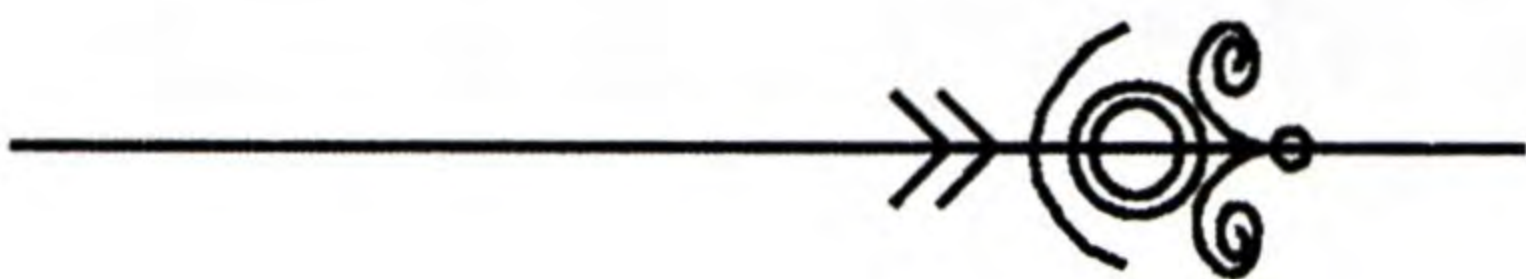
– Что это такое? – спросил он с изумлением. Министр поднял обе руки кверху, и Алеша увидел, что они были скованы золотой цепью... Он ужаснулся!..

– Твоя нескромность причиною, что я осужден носить эти цепи, – сказал министр с глубоким вздохом, – но не плачь, Алеша! Твои слезы помочь мне не могут. Одним только ты можешь меня утешить в моем несчастье: старайся исправиться и будь опять таким же добрым мальчиком, как был прежде. Прощай в последний раз!

Министр пожал Алеше руку и скрылся под соседнюю кровать.

– Чернушка, Чернушка! – кричал ему вслед Алеша, но Чернушка не отвечала.

Во всю ночь не мог он сомкнуть глаз ни на минуту. За час перед рассветом послышалось ему, что под полом что-то шумит. Он встал с постели, приложил к полу ухо и долго слышал стук маленьких колес и шум, как будто множество маленьких людей проходило. Между шумом этим слышен был также

плач женщин и детей и голос министра Чернушки, который кричал ему:

– Прощай, Алеша! Прощай навеки!..

На другой день поутру дети, проснувшись, увидели Алешу, лежащего на полу без памяти. Его подняли, положили в постель и послали за доктором, который объявил, что у него сильная горячка.

Недель через шесть Алеша выздоровел, и все происходившее с ним перед болезнью казалось ему тяжелым сном. Ни учитель, ни товарищи не напоминали ему ни слова ни о черной курице, ни о наказании, которому он подвергся. Алеша же сам стыдился об этом говорить и старался быть послушным, добрым, скромным и прилежным. Все его снова полюбили и стали ласкать, и он сделался примером для своих товарищей, хотя уже и не мог выучить наизусть двадцать печатных страниц вдруг, которых, впрочем, ему и не задавали.

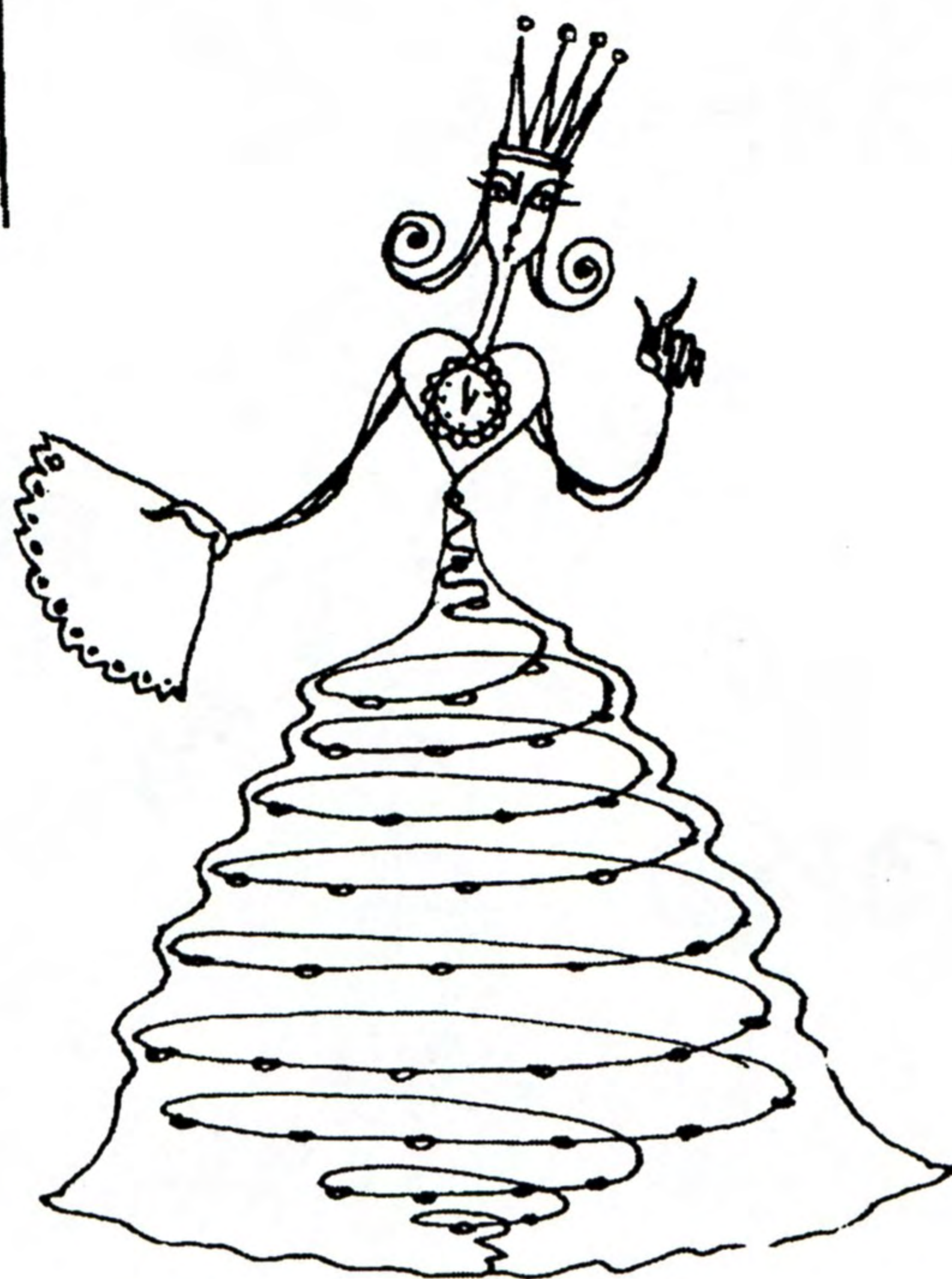
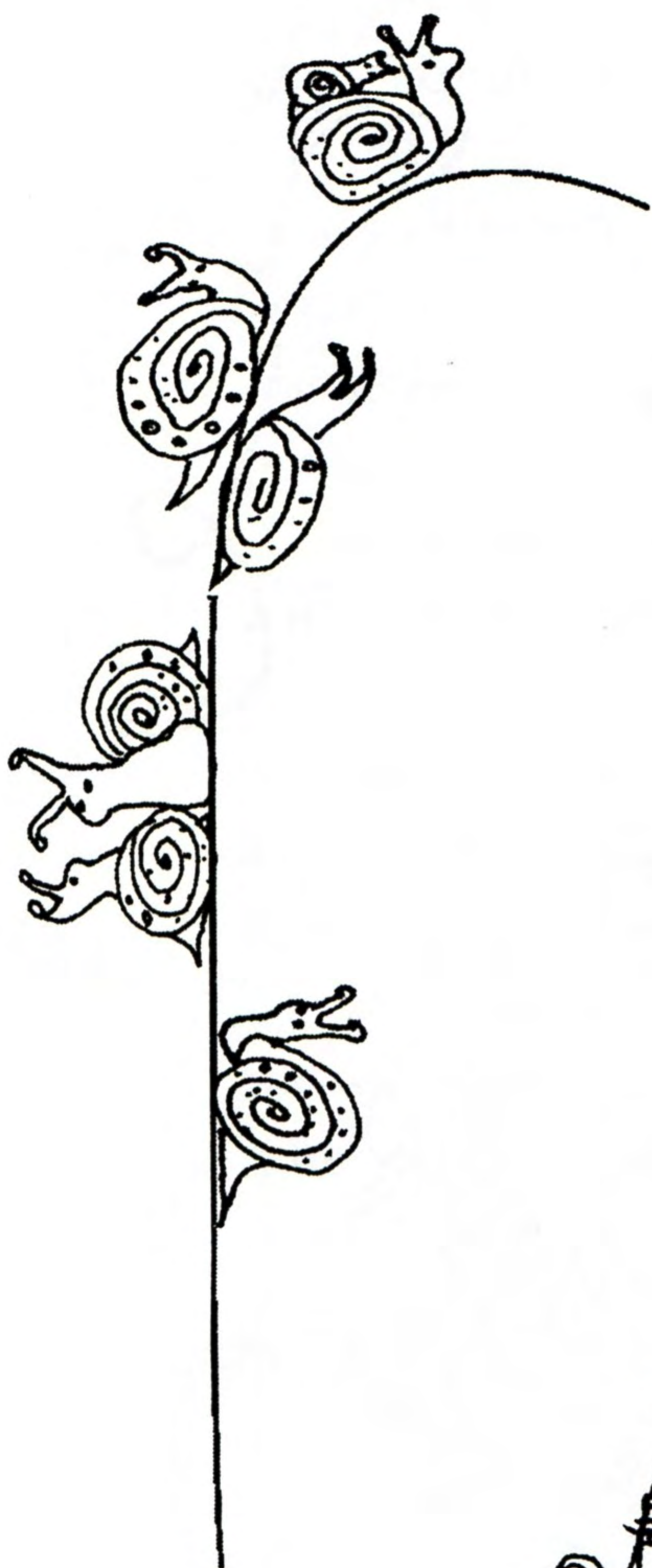

В. Огдоевский

Городок
в табакерке

папенька поставил на стол табакерку.

– Поди-ка сюда, Миша, посмотри-ка, – сказал он. Миша был послушный мальчик; тотчас оставил игрушки и подошел к папеньке. Да уж и было чего посмотреть! Какая пре-

красная табакерка! пестренькая, из черепахи. А что на крышке-то! Ворота, башенки, домик, другой, третий, четвертый, – и счесть нельзя, и все мал мала меньше, и все золотые; а деревья-то также золотые, а листики на них серебряные; а за деревьями встает солнышко, и от него розовые лучи расходятся по всему небу.

– Что это за городок? – спросил Миша.

– Это городок Динь-Динь, – отвечал папенька и тронул пружинку...

И что же? Вдруг, невидимо где, заиграла музыка. Откуда слышна эта музыка, Миша не мог понять: он ходил и к дверям – не из другой ли комнаты? и к часам – не в часах ли? и к бюро, и к горке; прислушивался то в том, то в другом месте; смотрел и под стол... Наконец Миша уверился, что музыка точно играла в табакерке. Он подошел к ней, смотрит,

а из-за деревьев солнышко выходит, крадется тихонько по небу, а небо и городок все светлее и светлее; окошки горят ярким огнем, и от башенок будто сияние. Вот солнышко перешло через небо на другую сторону, все ниже да ниже, и наконец за пригорком совсем скрылось; и городок потемнел, ставни закрылись, и башенки померкли, только ненадолго. Вот затеплилась звездочка, вот другая, вот и месяц рогатый выглянул из-за деревьев, и в городке стало опять светлее, окошки засеребрились, и от башенок протянулись синеватые лучи.

– Папенька! папенька! нельзя ли войти в этот городок? Как бы мне хотелось!

– Мудрено, мой друг: этот городок тебе не по росту.

– Ничего, папенька, я такой маленький; только пустите меня туда; мне так бы хотелось узнать, что там делается...

– Право, мой друг, там и без тебя тесно.

– Да кто же там живет?

– Кто там живет? Там живут колокольчики.

С этими словами папенька поднял крышку на табакерке, и что же увидел Миша? И колокольчики, и молоточки, и валик, и коле-

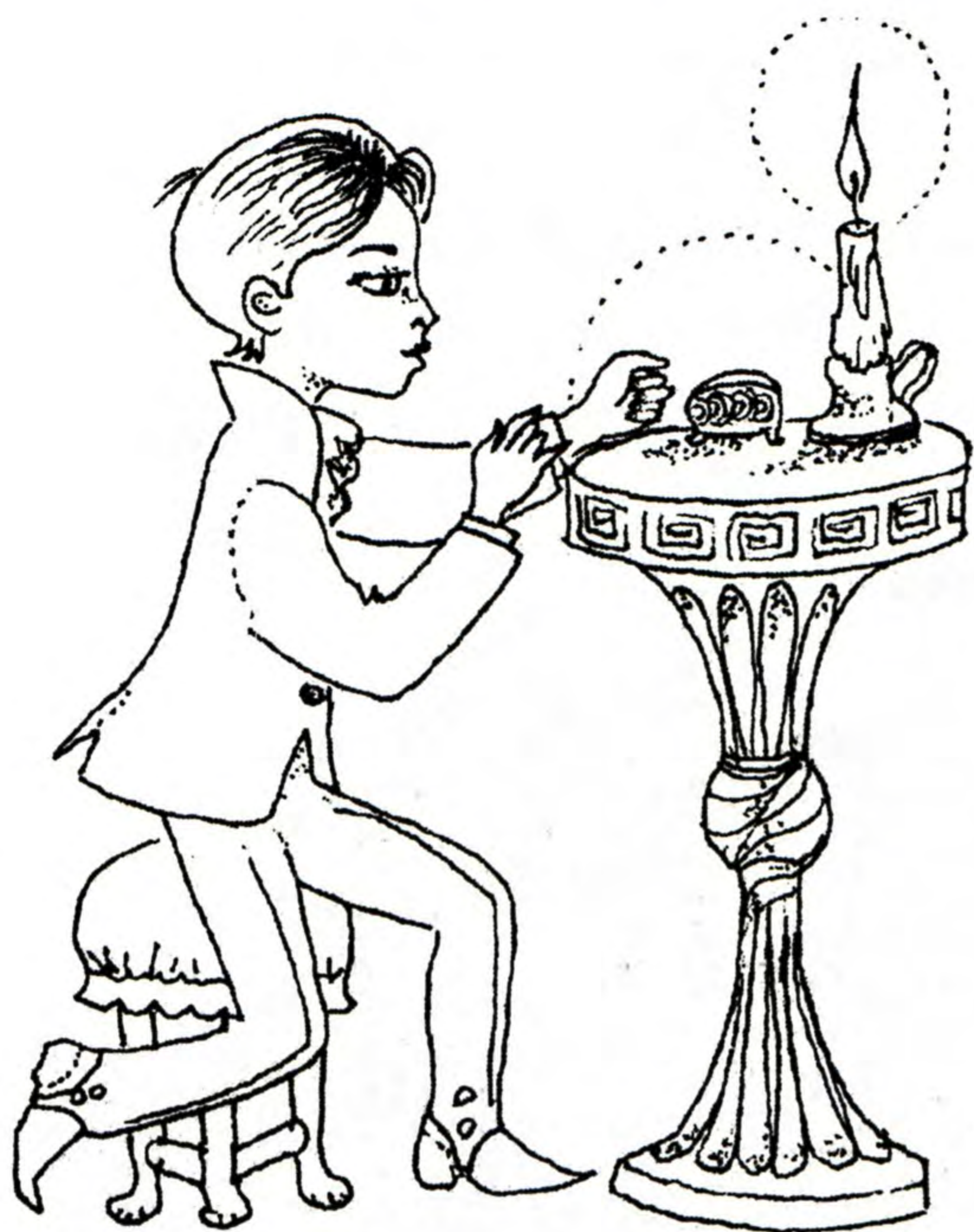
са... Миша удивился.

– Зачем эти колокольчики? зачем молоточки? зачем валик с крючками?

– спрашивал Миша у папеньки.

А папенька отвечал:

– Не скажу тебе, Миша; сам посмотри попристальнее да подумай: авось-либо отгадаешь. Только вот этой пружинки не трогай, а иначе все изломается.

Папенька вышел, а Миша остался над табакеркой. Вот он сидел-сидел над нею, смотрел-смотрел, думал-думал, отчего звенят колокольчики?

Между тем музыка играет да играет; вот все тише да тише, как будто что-то цепляется за каждую нотку, как будто что-то отталкивает один звук от другого. Вот Миша смотрит: внизу табакерки отворяется дверца, и из дверцы выбегает мальчик с золотою головкою и в стальной юбочке, останавливается на пороге и манит к себе Мишу.

«Да отчего же, — подумал Миша, — папенька сказал, что в этом городке и без меня тесно? Нет, видно, в нем живут добрые люди, видите, зовут меня в гости».

— Извольте, с величайшею радостью!

С сими словами Миша побежал к дверце и с удивлением заметил, что дверца ему пришлась точь-в-точь по росту. Как хорошо воспитанный мальчик, он почел долгом прежде всего обратиться к своему провожатому.

— Позвольте узнать, — сказал Миша, — с кем я имею честь говорить?

— Динь-динь-динь, — отвечал незнакомец, — я мальчик-колокольчик, житель этого городка. Мы слышали, что вам очень хочется побывать у нас в гостях, и потому решились просить вас сделать нам честь к нам пожаловать. Динь-динь-динь, динь-динь-динь.

Миша учтиво поклонился; мальчик-колокольчик взял его за руку, и они пошли. Тут Миша заметил, что над ними был свод, сделанный из пестрой тисненой бумажки с золотыми краями. Перед ними был другой свод, только поменьше; потом третий, еще меньше; четвертый, еще меньше, и так все другие своды – чем дальше, тем меньше, так что в последний, казалось, едва могла пройти головка его провожатого.

– Я вам очень благодарен за ваше приглашение, – сказал ему Миша, – но не знаю, можно ли будет мне им воспользоваться. Правда, здесь я свободно прохожу, но там, дальше, посмотрите, какие у вас низенькие своды, – там я, позвольте сказать откровенно, там я и ползком не пройду. Я удивляюсь, как и вы под ними проходите.

– Динь-динь-динь! – отвечал мальчик. – Пройдем, не беспокойтесь, ступайте только за мной.

Миша послушался. В самом деле, с каждым их шагом, казалось, своды подымались, и наши мальчики всюду свободно проходили; когда же они дошли до последнего свода, тогда мальчик-колокольчик попросил Мишу оглянуться назад. Миша оглянулся, и что же

он увидел? Теперь тот первый свод, под который он подошел, входя в дворцы, показался ему маленьким, как будто, пока они шли, свод опустился. Миша был очень удивлен.

– Отчего это? – спросил он своего проводника.

– Динь-динь-динь! –

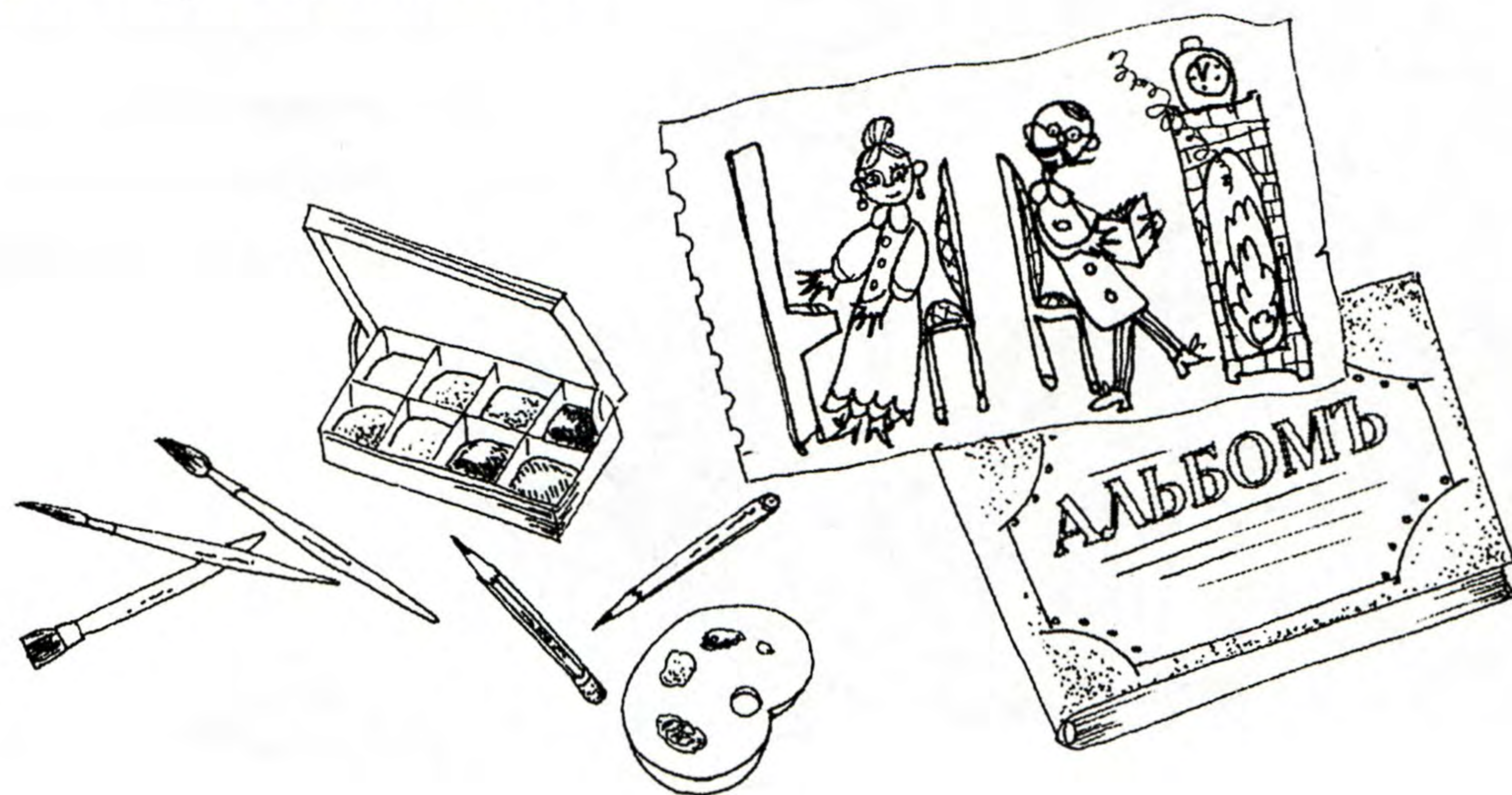
отвечал проводник смеясь.— Издали всегда так кажется. Видно, вы ни на что вдаль со вниманием не смотрели; вдали все кажется маленьким, а подойдешь — большое.

— Да, это правда, — отвечал Миша, — я до сих пор не думал об этом, и оттого вот что со мною случилось: третьего дня я хотел нарисовать, как маменька возле меня играет на фортепьяно, а папенька на другом конце комнаты читает книжку. Только этого мне никак не удавалось сделать: тружусь, тружусь, рисую как можно вернее, а все на бумаге у меня выйдет, что папенька возле маменьки сидит и кресло его возле фортепьяно стоит, а между тем я очень хорошо вижу, что фортепьяно стоит возле меня, у окошка, а папенька сидит на другом конце, у камина. Маменька мне говорила, что папеньку надобно нарисовать маленьким, но я думал, что маменька шутит, потому что папенька гораздо больше ее ростом; но теперь вижу, что она правду говорила: папеньку надобно было нарисовать маленьким, потому что он сидел вдалеке. Очень вам благодарен за объяснение, очень благодарен.

Мальчик-колокольчик смеялся изо всех сил: «Динь-динь-динь, как смешно! Не уметь нарисовать папеньку с маменькой! Динь-динь-динь, динь-динь-динь!»

Мише показалось досадно, что мальчик-колокольчик над ним так немилосердно насмехается, и он очень вежливо сказал ему:

— Позвольте мне спросить у вас: зачем вы к каждому слову все говорите «динь-динь-динь»?

– Уж у нас поговорка такая, – отвечал мальчик-колокольчик.

– Поговорка? – заметил Миша. – А вот папенька говорит, что очень нехорошо привыкать к поговоркам.

Мальчик-колокольчик закусил губы и не сказал более ни слова.

Вот перед ними еще дверцы; они отворились, и Миша очутился на улице. Что за улица! Что за городок! Мостовая вымощена перламутром; небо пестренькое, черепа-

ховое; по небу ходит золотое солнышко; поманишь его, оно с неба сойдет, вокруг руки обойдет и опять поднимается. А домики-то стальные, полированные, крытые разноцветными раковинками, и под каждою крышкою сидит мальчик-колокольчик с золотою головкою, в серебряной юбочке, и много их, много, и все мал мала меньше.

– Нет, теперь уж меня не обманут, – сказал Миша. – Это так только мне кажется издали, а колокольчики-то все одинакие.

– Ан вот и неправда, – отвечал провожатый, – колокольчики не одинакие. Если бы все были одинакие, то и звенели бы мы все в

один голос, один, как другой; а ты слышишь, какие мы песни выводим. Это оттого, что кто из нас побольше, у того и голос потолще.

Неужели ты и этого не знаешь? Вот видишь ли, Миша, это тебе урок: вперед не смейся над теми, у которых поговорка дурная; иной и с поговоркою, а больше другого знает и можно от него кое-чему научиться.

Миша, в свою очередь, закусил язычок.

Между тем их окружили мальчишки-колокольчики, теребили Мишу за платье, звенели, прыгали, бегали.

– Весело вы живете, – сказал им Миша, – век бы с вами остался. Целый день вы ничего не делаете, у вас ни уроков, ни учителей, да еще и музыка целый день.

– Динь-динь-динь! – закричали колокольчики. – Уж нашел у нас веселье! Нет, Миша, плохое нам житье. Правда, уроков у нас нет, да что же в том толку? Мы бы уроков не побоялись. Вся наша беда именно в том, что у нас, бедных, никакого нет дела; нет у нас ни книжек, ни картинок; нет ни папеньки, ни маменьки; нечем заняться; целый день играй да играй, а ведь это, Миша, очень, очень скучно. Поверишь ли? Хорошо наше черепаховое небо, хорошо и золотое солнышко и золотые деревья; но мы бедные, мы насмотрелись на них вдоволь, и все это очень нам надоело; из городка мы – ни пяди, а ты можешь себе вообразить, каково целый век, ничего не делая, просидеть в табакерке, и даже в табакерке с музыкою.

– Да, – отвечал Миша, – вы говорите правду. Это и со мной случается: когда после ученья примешься за игрушки, то так весело; а когда в праздник целый день всё играешь да играешь, то к вечеру и делается скучно; и за ту и за другую игрушку примешься – все не мило. Я долго не понимал, отчего это, а теперь понимаю.

– Да, сверх того, на нас есть другая беда, Миша: у нас есть дядьки.

– Какие же дядьки? – спросил Миша.

– Дядьки-молоточки, – отвечали колокольчики, – уж какие злые! то и дело что ходят по городу да нас постукивают. Которые побольше, тем еще реже «тук-тук» бывает, а уж маленьким куда больно достается.

В самом деле, Миша увидел, что по улице ходили какие-то господа на тоненьких ножках, с предлинными носами и шептали между собою: «тук-тук-тук! тук-тук-тук! поднимай! задевай! тук-тук-тук!» И в самом деле, дядьки-молоточки беспрестанно то по тому, то по другому колокольчику тук да тук, индо бедному Мише жалко стало. Он подошел к этим господам, очень вежливо поклонился и с добродушием спросил, зачем они без всякого сожаления колотят бедных мальчиков. А молоточки ему в ответ:

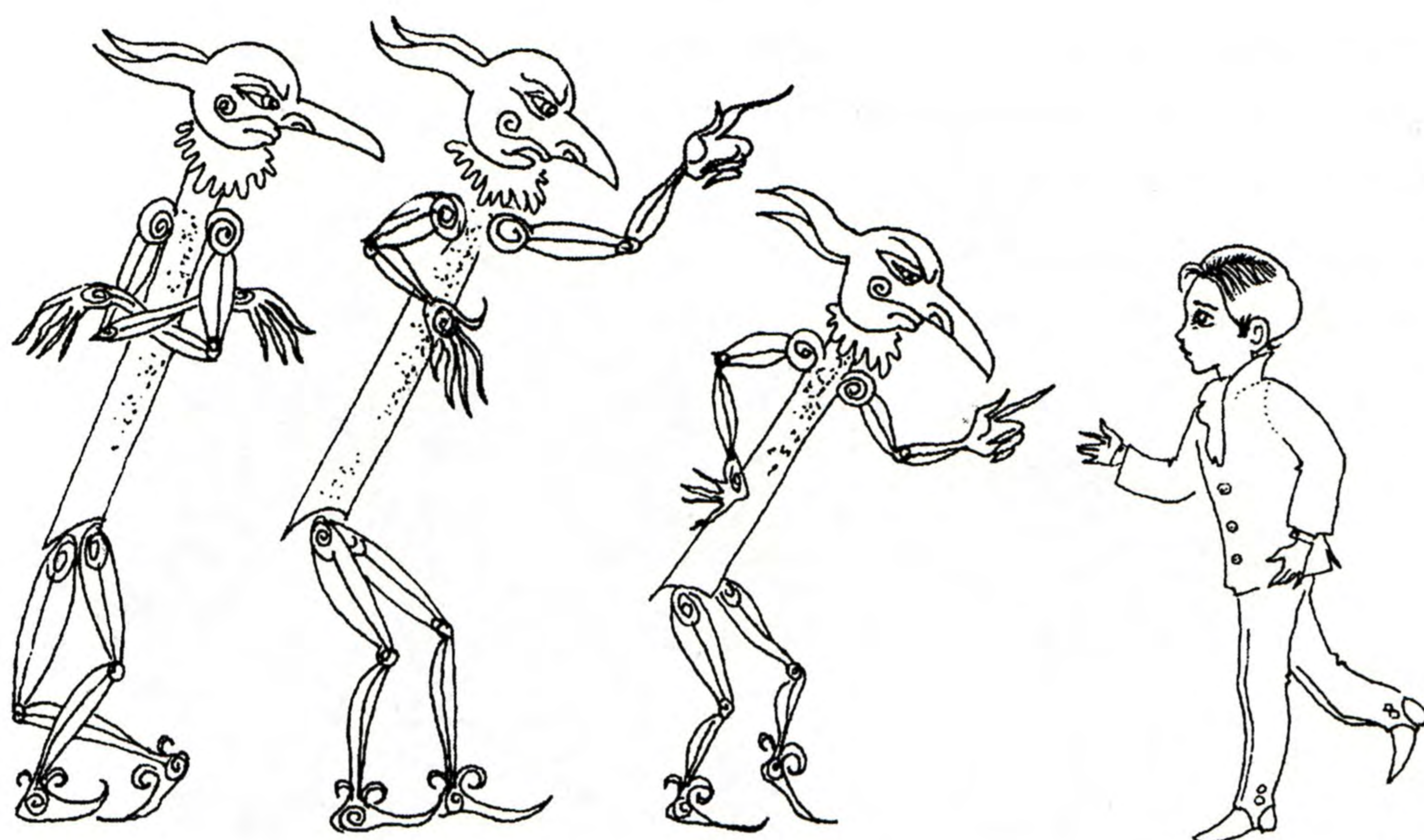
– Прочь ступай, не мешай! Там в палате и в халате надзиратель лежит и стучать нам велит. Все ворочается, прицепляется. Тук-тук-тук! Тук-тук-тук!

– Какой это у вас надзиратель? – спросил Миша у колокольчиков.

– А это господин Валик, – зазвенели они, – предобрый человек, день и ночь

с дивана не сходит; на него мы не можем пожаловаться.

Миша – к надзирателю.

Смотрит: он в самом деле лежит на диване, в халате и с боку на бок переворачивается, только все лицом кверху.

А по халату-то у него шпильки, крючочки видимо-невидимо; только что попадется ему молоток, он его крючком сперва зацепит, потом спустит, а молоточек-то и стукнет по колокольчику.

Только что Миша к нему подошел, как надзиратель закричал:

– Шуры-муры! кто здесь ходит? кто здесь бродит? Шуры-муры! кто прочь не идет? кто мне спать не дает? Шуры-муры! шуры-муры!

– Это я, – храбро отвечал Миша, – я – Миша...

– А что тебе надобно? – спросил надзиратель.

– Да мне жаль бедных мальчиков-колокольчиков, они все такие умные, такие добрые, такие музыканты, а по вашему приказанию дядьки их беспрестанно постукивают...

– А мне какое дело, шуры-муры! Не я здесь набольший. Пусть себе дядьки стучают мальчиков! Мне что за дело! Я надзиратель добрый, все на диване лежу и ни за кем не гляжу. Шуры-муры, шуры-муры...

– Ну, многому же я научился в этом городке! – сказал про себя Миша. – Вот еще иногда мне бывает досадно, зачем надзиратель с меня глаз не спускает. «Экой злой! – думаю я. – Ведь он не папенька и не маменька; что ему за дело, что я шалю? Знал бы сидел в своей комнате». Нет, теперь вижу, что бывает с бедными мальчиками, когда за ними никто не смотрит.

Между тем Миша пошел далее – и остановился.

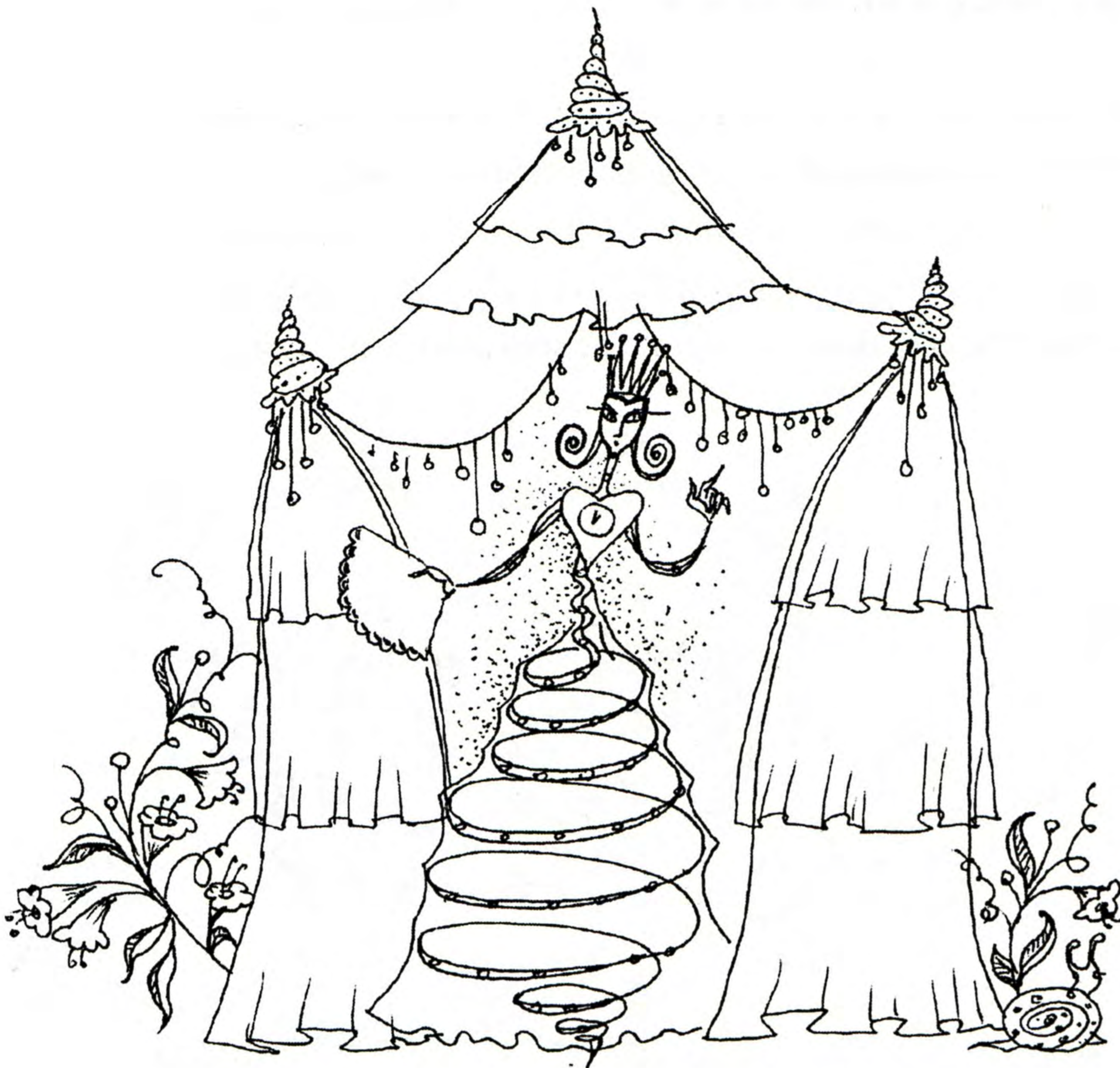

Смотрит, золотой шатер с жемчужною бахромою; наверху золотой флюгер вертится, будто ветряная мельница, а под шатром лежит царевна Пружинка и, как змейка, то свернется, то развернется и беспрестанно надзирателя под бок толкает. Миша этому очень удивился и сказал ей:

— Сударыня царевна! Зачем вы надзирателя под бок толкаете?

— Зиц-зиц-зиц, — отвечала царевна. — Глупый ты мальчик, неразумный мальчик. На все смотришь, ничего не видишь! Кабы я валик не толкала, валик бы не вертелся; кабы валик не вертелся, то он за молоточки бы не цеплялся, молоточки бы не сту-

чали; кабы молоточки не сту-
чали, колоколь-
чики бы не зве-
нели; кабы ко-
локольчики не
звенели, и музы-
ки бы не было!
Зиц-зиц-зиц.

Мише захотелось узнать, правду ли говорит царевна. Он наклонился и прижал ее пальчиком – и что же?

В одно мгновение пружинка с силою развилась, валик сильно завертелся, молоточки быстро застучали, колокольчики заиграли дребедень, и вдруг пружинка лопнула. Все умолкло, валик остановился, молоточки попадали, колоколь-

чики свернулись на сторону, солнышко повисло, домики изломались... Тогда Миша вспомнил, что папенька не приказывал ему трогать пружинку, испугался и... проснулся.

– Что во сне видел, Миша? – спросил папенька.

Миша долго не мог опамятоваться. Смотрит: та же папенькина комната, та же перед ним табакерка; возле него сидят папенька и маменька и смеются.

– Где же мальчик-колокольчик?

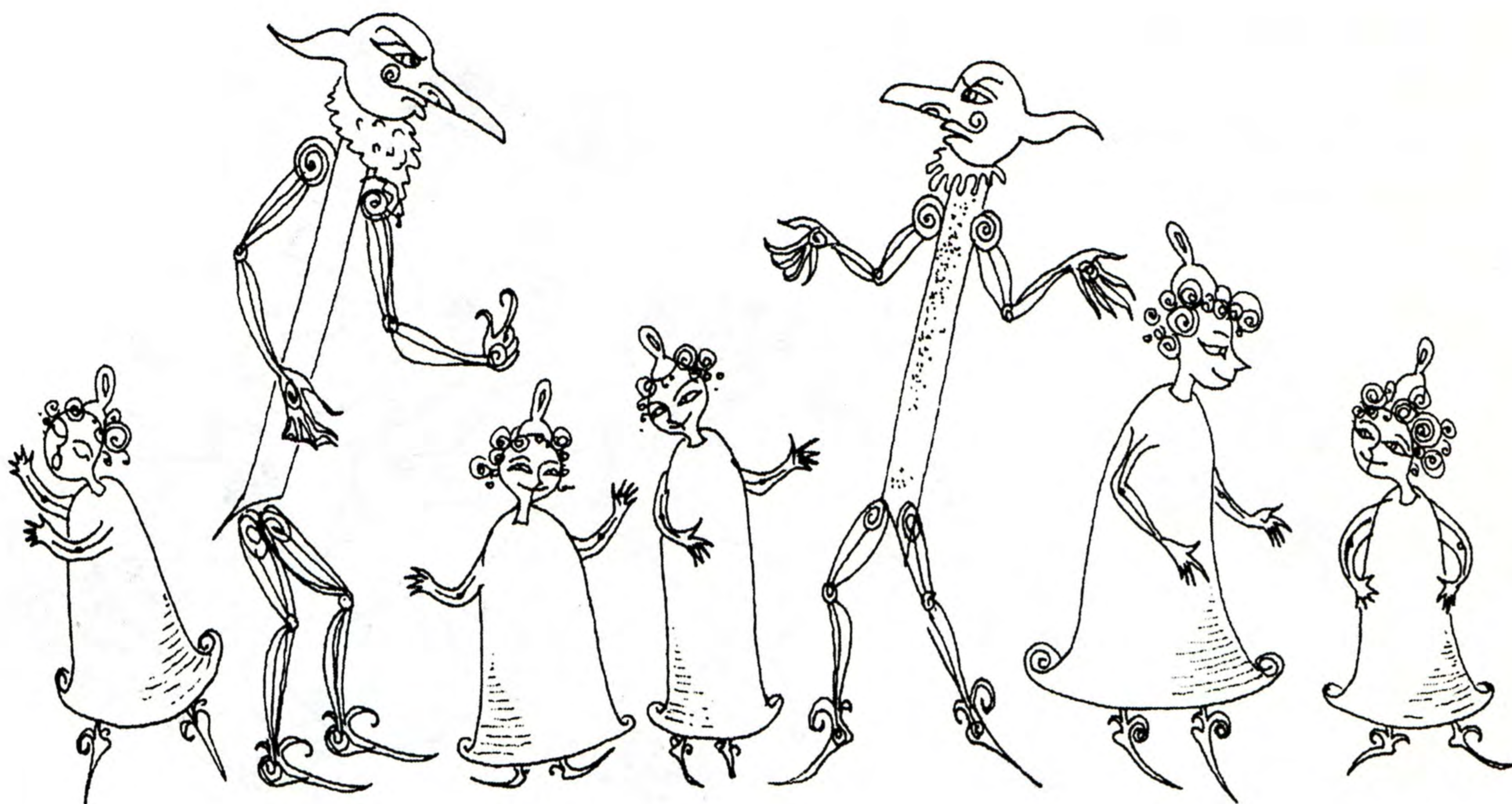

Где дядька-молоточек? Где царевна Пружинка? – спрашивал Миша. – Так это был сон?

– Да, Миша, тебя музыка убаюкала, и ты здесь порядочно вздремнул. Расскажи же нам по крайней мере, что тебе приснилось!

– Да видите, папенька, – сказал Миша, протирая глазки, – мне все хотелось узнать, отчего музыка в табакерке играет; вот я принялся на нее прилежно смотреть и разбирать, что в ней движется и отчего движется; думал, думал и стал уже добираться, как вдруг, смотрю, дверка в табакерке растворилась...– Тут Миша рассказал весь свой сон по порядку.

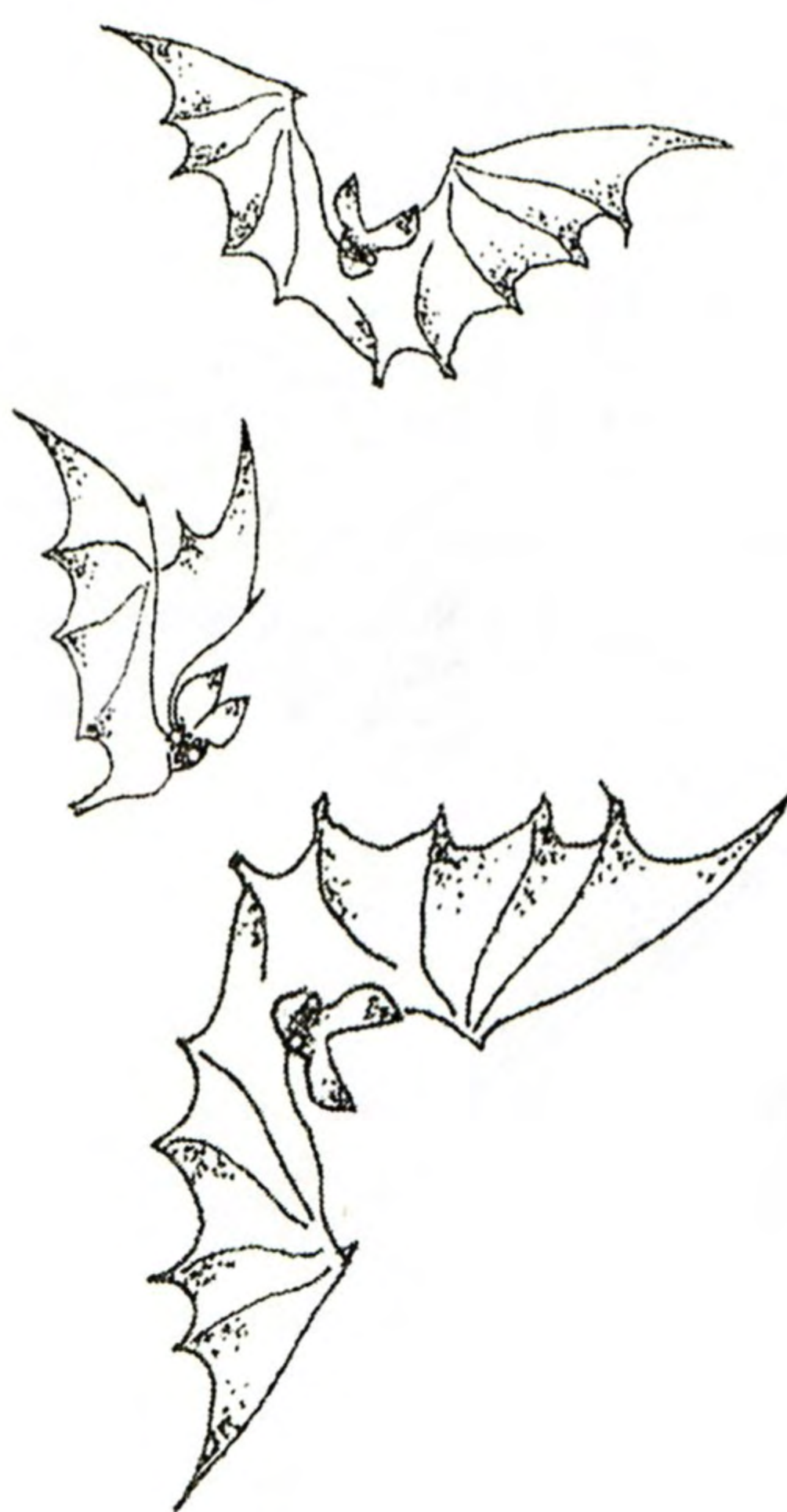
– Ну, теперь вижу, – сказал папенька, – что ты в самом деле почти понял, отчего музыка в табакерке играет; но ты это еще лучше поймешь, когда будешь учиться механике.

М. Горин-Михайловский

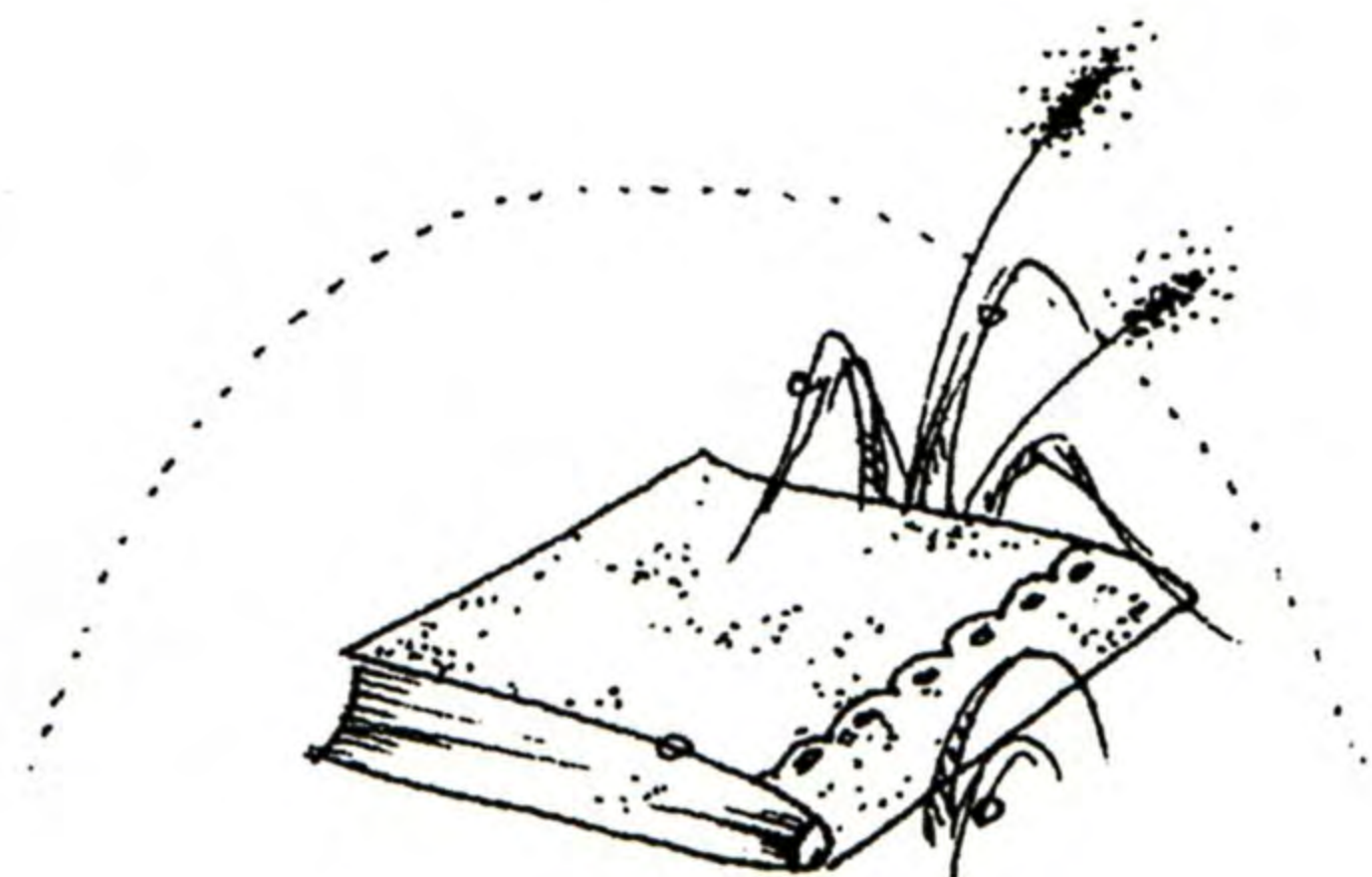
Книжка едетъ

была когда-то на свете (а может, и теперь есть) маленькая, потертая, грязная книжка. В этой книжке таилась волшебная сила. Кто брал ее в руки, тот делался добрым, веселым, хорошим, и главное – тот начинал любить всех и только и думал о том, как бы и всем было так же хорошо, как и ему. Купец не обманывал больше, богатый думал о бедных, большой барин больше не думал, что он не ошибается и что в его голове может поместиться весь мир. И все потому, что тот, кто держал книжку волшебную, любил в эту минуту других больше, чем себя. Но когда книжка случайно выпадала из рук того, кто держал ее, он опять начинал думать только о себе и ничего больше не хотел знать. И если книжка вторично попадалась на глаза, ее отбрасывали ногами, а то с помощью щипцов бросали в огонь. Книжка как будто сгорала, все успокаивались, но так как книжка была волшебная, то она сгореть никогда не могла и опять попадалась кому-нибудь на глаза.

Был раз веселый праздник. Все, кто мог, радовались. Но маленький больной мальчик не радовался. Его всегда мучили всякие болезни, и давно уж весь мир казался ему аптекой, а все незнакомые люди

докторами, которые вдруг начнут насильно пичкать его разными горькими лекарствами.

Никто этого не любит, и вот почему мальчик, в то время как все дети веселились, шел, гуляя с своей няней, такой же грустный и скучный, как и всегда. У него была большая тяжелая го-

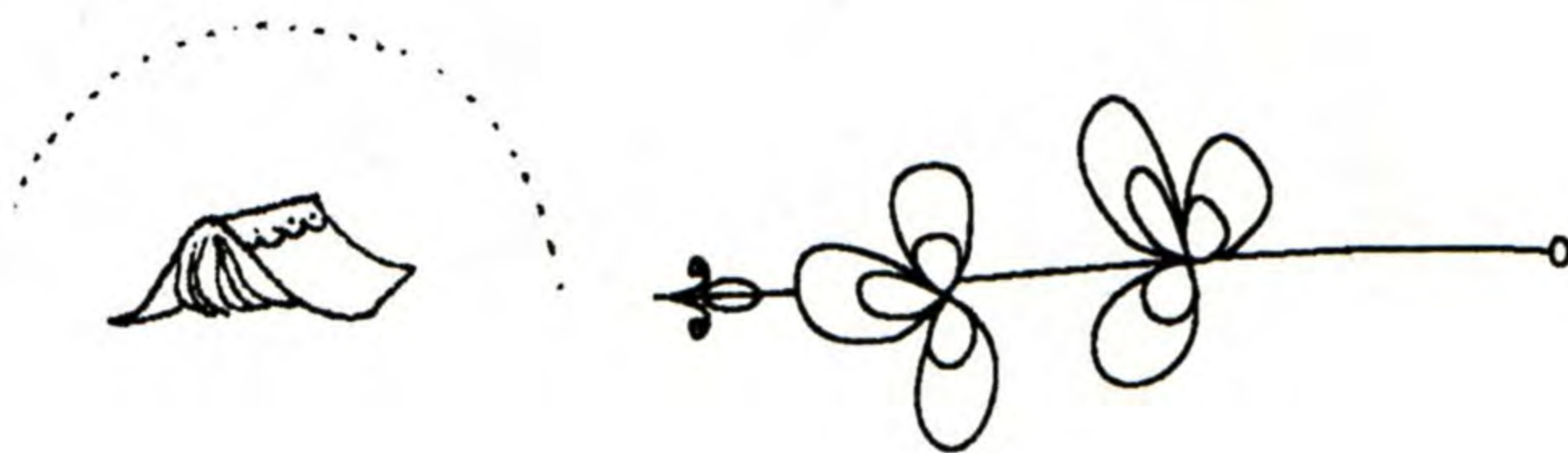
лова, которая перетягивала его, и ему легче поэтому было смотреть вниз, и, может быть, вследствие этого он и увидел маленькую грязную книжку. И хотя няня и тянула его за руку вперед, он все-таки настоял на своем и поднял книжку.

Он держал ее, и, чем крепче прижимал к себе, тем веселее становилось у него на душе. Когда он пришел домой, увидев мать, он закричал радостно: «Мама!» – и побежал к ней. И хотя по дороге выскочил папа, который читал в это время одну очень умную книгу о том, как надо обращаться с детьми, и крикнул сердито своему капризному сыну: «Не можешь разве не кричать?» – мальчик не обиделся и понял, что папа кричит оттого, что у него нет такой же книжки, какая была у него.

И тетя, увидав его веселого, не смогла удержать своего восторга, бросилась и начала его так больно целовать, что в другое время мальчик опять бы расплакался, но теперь он только сказал:

– Милая тетя, мне больно,пусти меня, пожалуйста.

И хотя тетя еще сильнее от этого стала его тормошить, он терпел,

потому что понимал теперь, что тетя любит его и сама не понимает, что делает ему своей любовью больно. Когда наконец мальчик прибежал к матери, он показал ей свою книжку и сказал счастливый, приседая и заглядывая ей в глаза:

– Книжка...

Мать не знала, конечно, какая это книжка, но она видела, что сын ее счастлив, а чего ж больше матери надо? Она захотела только еще прибавить ему немного счастья и, погладив его по голове, ласково проговорила:

– Милый мой мальчик.

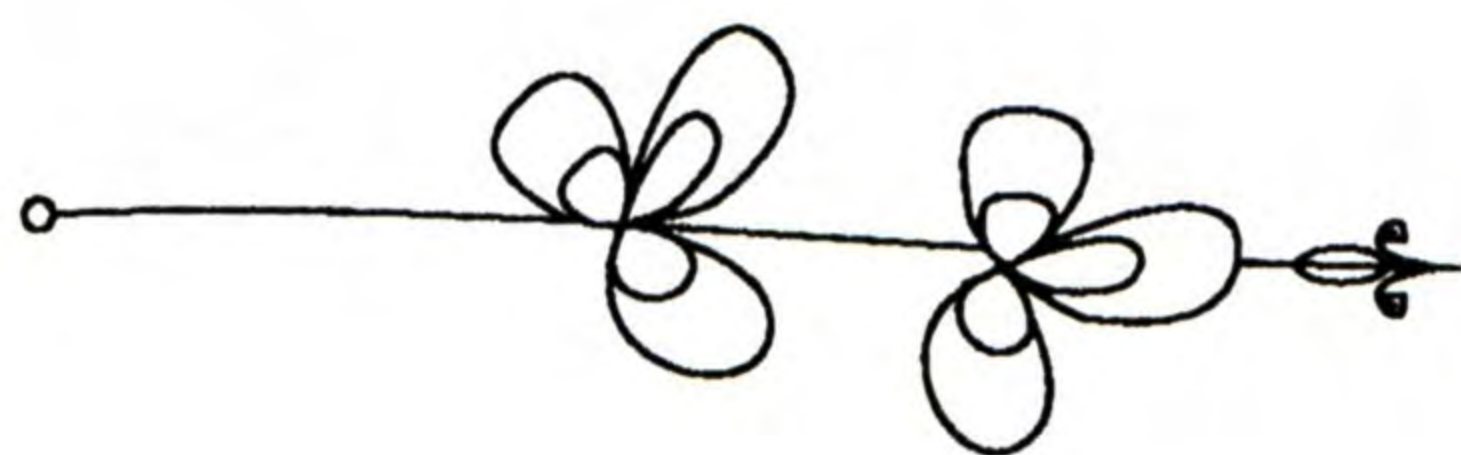
Да, мальчик был очень счастлив, и, когда няня, укладывая его спать, взяла было у него книжку, он так начал плакать, что няня должна была возвратить ему книжку, с которой так и заснул мальчик.

А ночью к нему прилетела волшебница фея и сказала:

– Я фея счастья. Многим я давала свою книжку, и все были счастливы, когда держали ее; но, когда я брала опять ее от них, они не хотели второй раз принимать эту книжку от меня. Ты, маленький мальчик, первый, который захотел взять ее обратно. И за это я тебе открою секрет, как сделать всех счастливыми. И хотя ты еще очень маленький мальчик, но ты поймешь, потому что у тебя доброе сердце.

И так как этого именно и хотел мальчик, потому что такова уж была сила волшебной книжки, то он и сказал фее:

– Милая фея! Я так хочу, чтоб

все, все были так же счастливы, как я: и мама, и папа, и тот плотник, который сегодня приходил просить работы, и та старушка, которая, помнишь, шла и плакала оттого, что ей есть нечего, и тот мальчик, который просил у меня милостыни... все, все, добрая фея!

– А если б для того, чтобы все были счастливы, тебе пришлось бы умереть?.. Хочешь знать секрет?

– Хочу!

– Тогда идем!

И прекрасная фея протянула мальчику руку, и они пошли.

Они вышли на улицу и долго шли. Когда город остался назади, фея показала ему вверх, и хотя было темно, но там, на верху горы, высоко-высоко, ярко горели окна волшебного замка.

Фея нагнулась к мальчику и сказала:

– Вот что надо сделать, чтобы все были счастливы. Там, в этом замке, спит заколдованная царевна. Чтобы все были счастливы, надо разбудить ее. Но это не так легко: сон царевны стережет злой волшебник. Ты видишь перед нами ту большую дорогу, освещенную огнями, что идет прямо в гору? Видишь, сколько идет по этой дороге детей? Многие из них идут туда, в замок, с тем, чтобы разбудить царевну, но никто не разбудит! Это волшебная дорога: по мере того как они поднимаются в гору, их сердца каменеют, и, когда они приходят на-

верх с своими каменными сердцами, они забывают, зачем пришли, и злой волшебник громко смеется и бросает их в виде камней вон в ту темную сторону, откуда слышны эти крики, плач и стоны.

– Это кто кричит?

– Те, которые ходят во тьме и в грязи. Они кричат, потому что им страшно и скучно во тьме, кричат, пото-

му что они в грязи, потому что хотят есть, кричат, потому что надеются, что проснется царевна и услышит их голодные крики. Злой волшебник смеется и бросает им вместо хлеба каменных людей, которые, падая, убивают их, а они, не видя в темноте ничего, думают, что это камни летят в них с неба или кто-нибудь из них же бросает их, и тогда они убивают друг друга.

– А зачем волшебник так делает?

– Он должен их мучить, потому что только этим темным местом и можно прийти к дороге, ведущей в замок, к дороге, над

которой уже не властна сила волшебника. Но об этом никто не знает, и пока там и темно, и грязно, и страшно – все хотят попасть на ту освещенную, но заколдованную дорогу. Какой хочешь идти дорогой? Той ли, где темно и грязно и нет таких нарядных и веселых детей, какие идут по этой большой прямо в гору дороге?

– Этой, – мальчик показал в темную и грязную сторону.

– Ты не боишься? Там злые дети, они ходят в темноте взад и вперед и, не зная дороги, кричат и убивают друг друга; там может убить тебя камень волшебника. Пойдешь?

– Да.

– Идем.

Они пошли, и мальчик увидел вокруг себя страшные лица злых детей.

– Дети! Идите за мной! Я знаю дорогу!

– Где, где?

– Сюда, сюда, идите за мной!

– Но разве есть другая дорога, кроме той, по которой идут те счастливые дети?

– Ах, нет, той дорогой не идите. За мной идите!

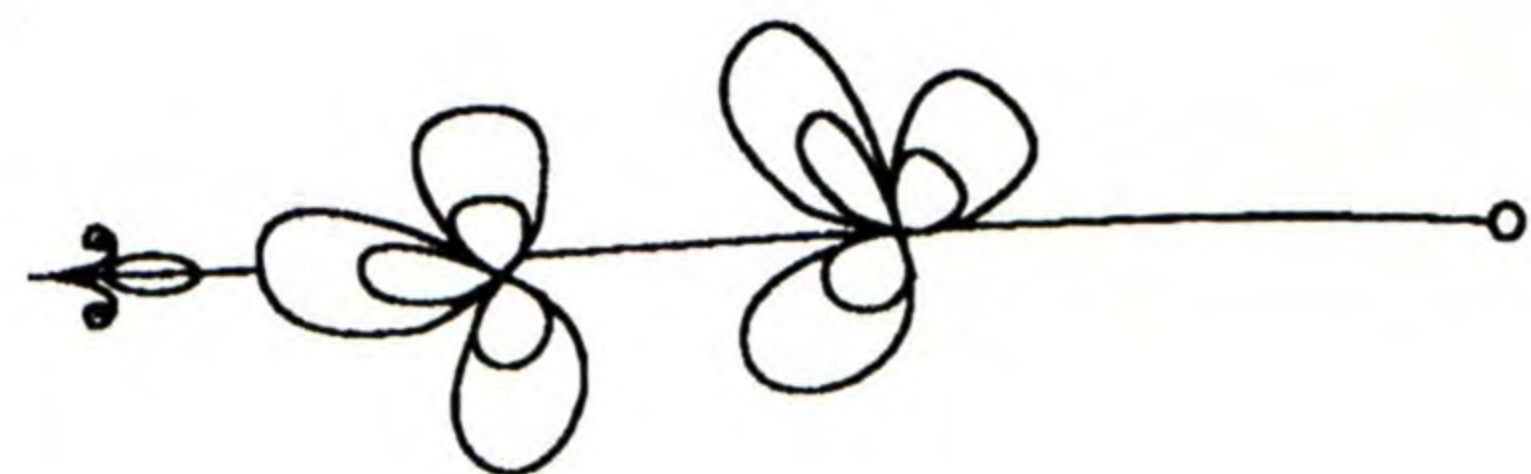
– Но ты, как и мы, идешь без дороги?

– Нет, здесь есть дорога... Идите... со мной фея.

– А, глупый ты мальчик, мы устали и так, мы есть хотим... Есть у тебя хлеб?

– У меня есть книжка счастья.

– О, да он совсем глупый... затопчем его в грязь с его глупой книжкой!

– Хочешь, улетим? – наклонилась к мальчику фея.

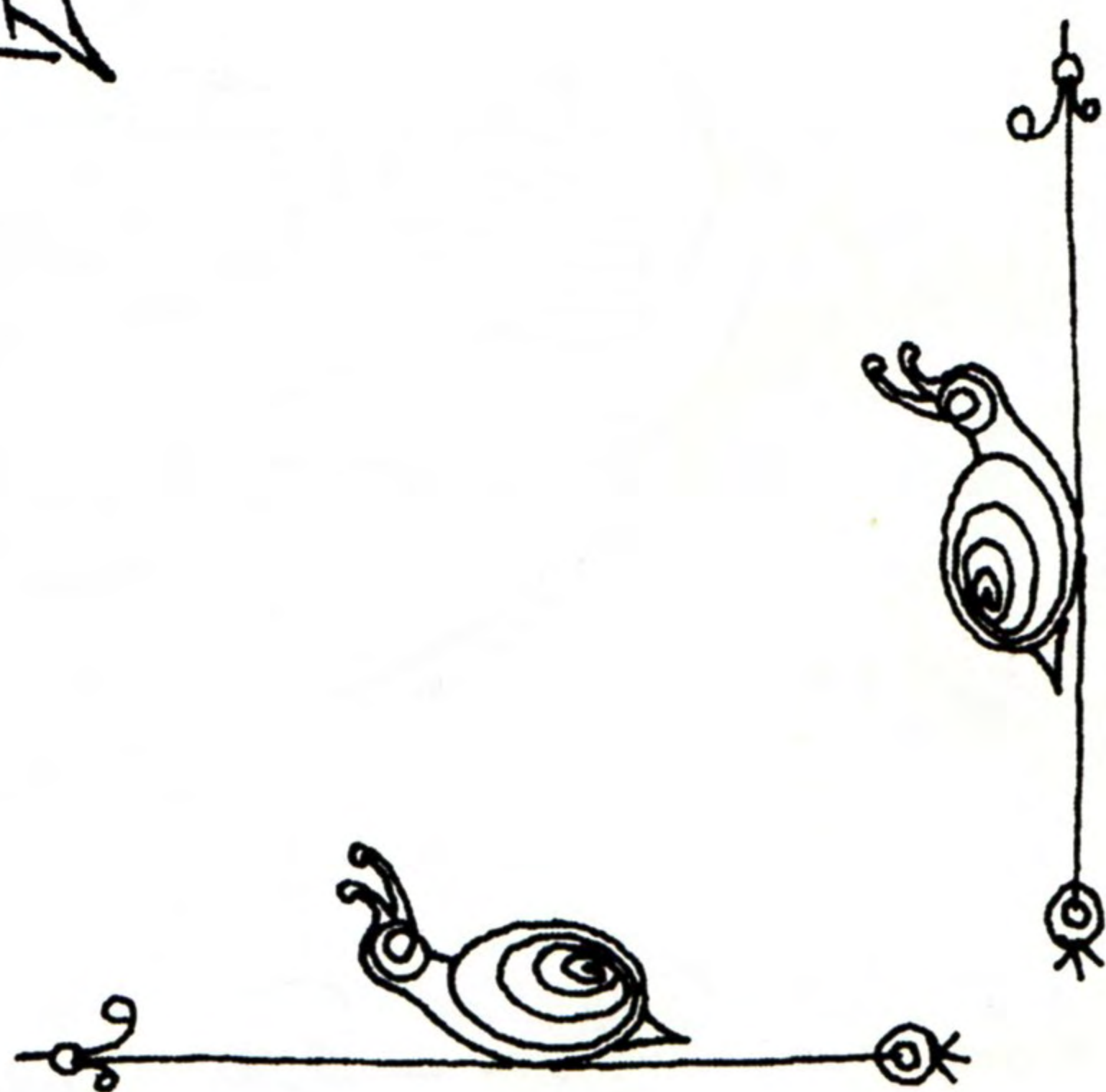
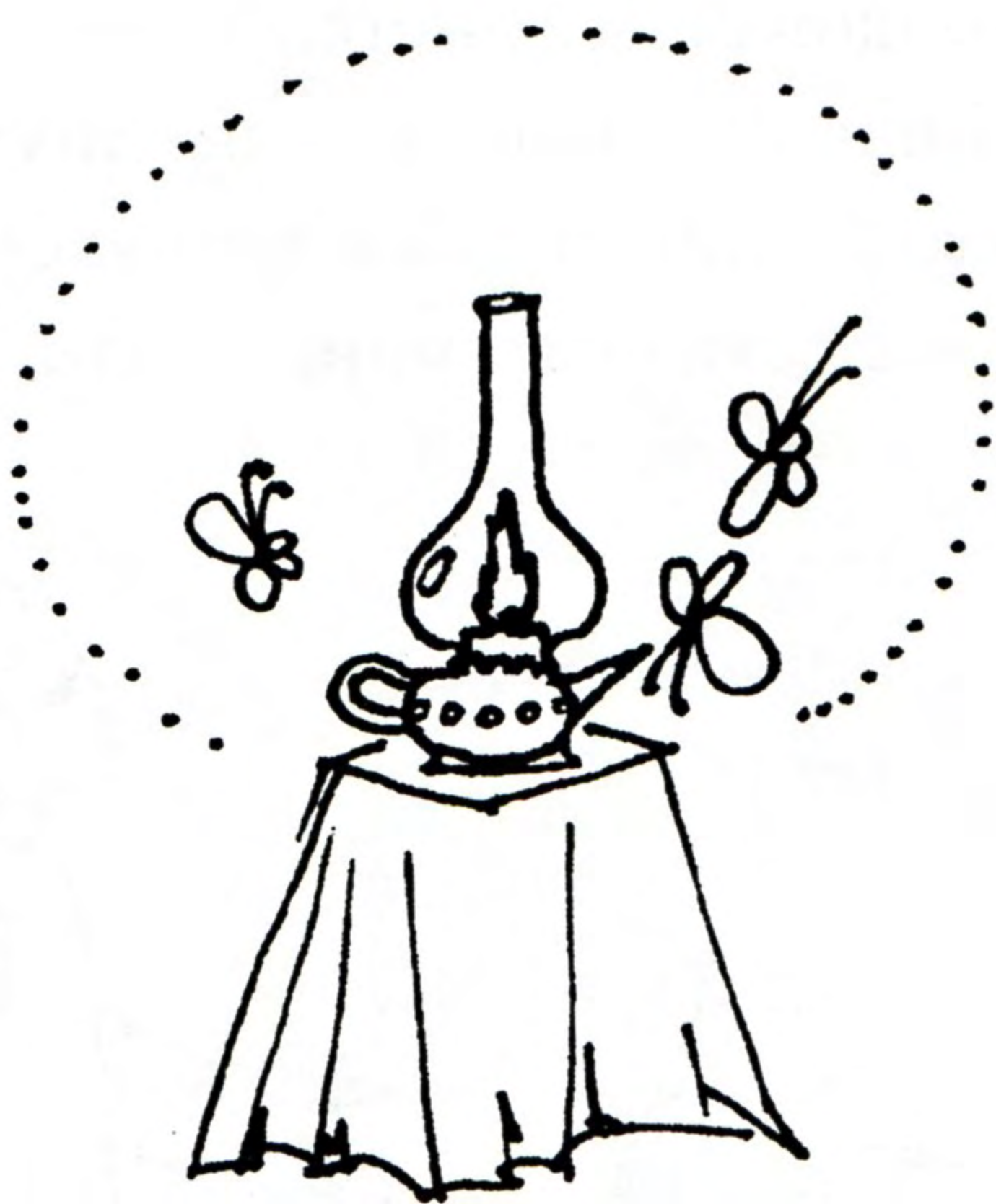
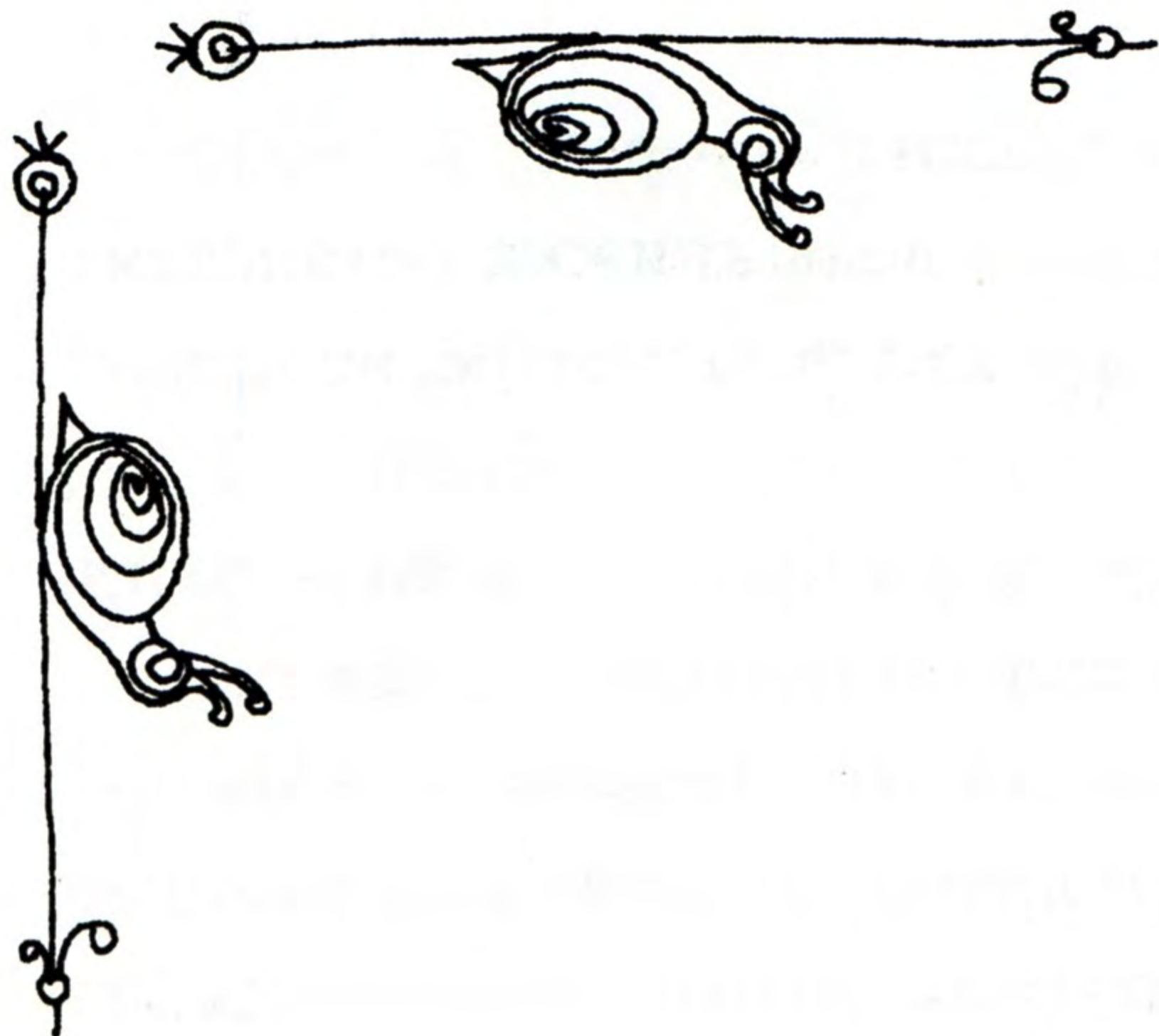
– Нет, не хочу... Они затопчут меня, но ведь книжка останется здесь... Это хорошо, милая фея, и ты того, кто подымет ее, не правда ли, поведешь дальше?

Мальчик не слышал ответа: злые дети уж бросились на него и, повалив, топтали его в грязь. И когда совсем затоптали, все были рады и прыгали на его могиле. Они думали, что затоптали и мальчика, и его книжку. Но книжку нашли другие и пошли дальше, а когда все ушли, фея вынула мальчика из грязи, обмыла его и отнесла в замок к царевне.

Он не умер, он спит там в замке рядом с царевной, и ему снятся хорошие сны. Добрая фея рассказывает их ему, когда прилетает с грязной и темной дороги, по которой хоть тихо, а все идут и несут книжку счастья в заколдованный замок.

И когда принесут наконец книжку – проснутся царевна и мальчик, погибнет злой волшебник, а с ним исчезнет и мрак, – и увидят тогда люди, что для всех есть счастье на земле.

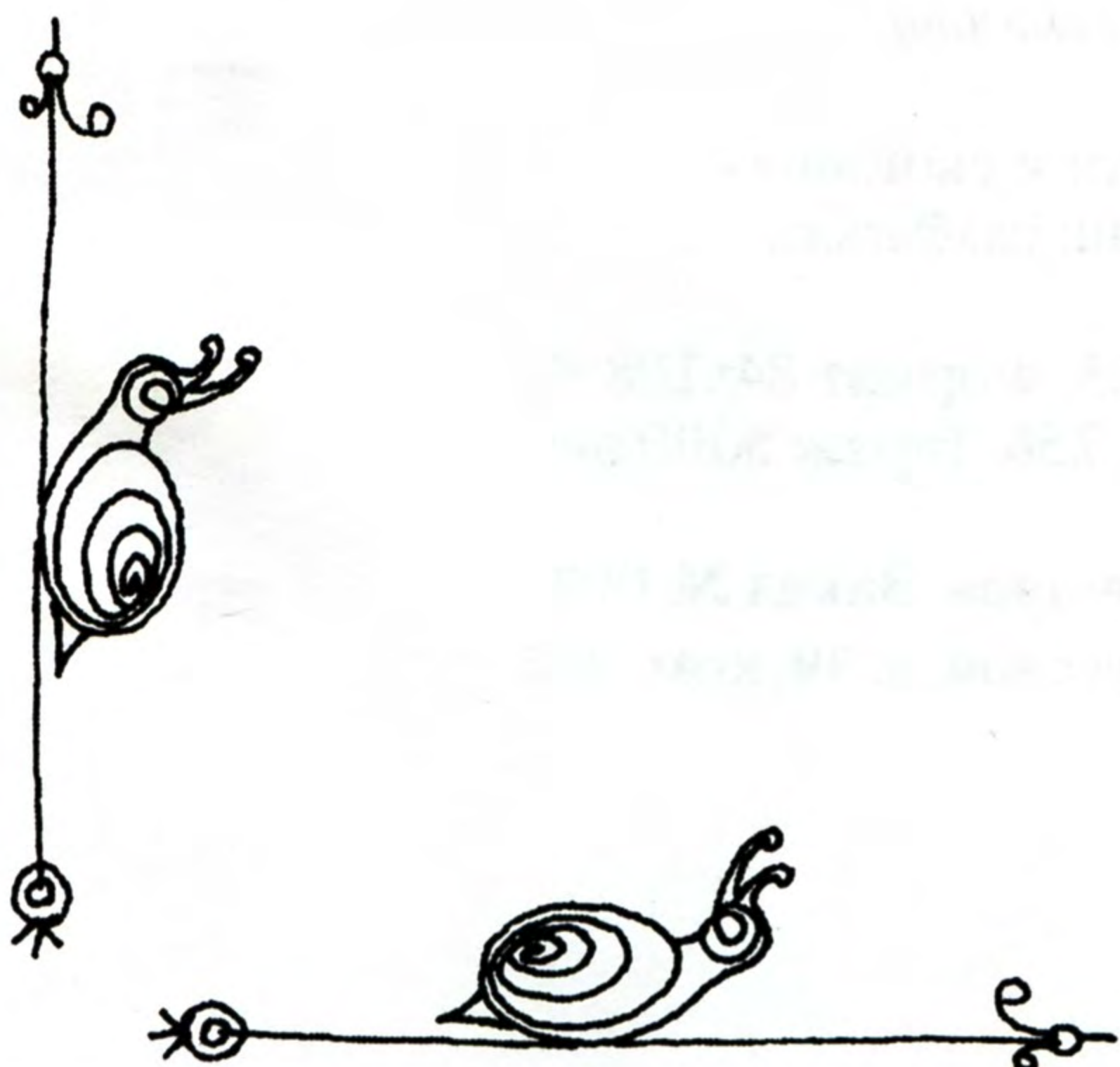

Содержание

А. Погорельский	
Черная курица, или Подземные жители	5
В. Одоевский	
Городок в табакерке	47
Н. Гарин-Михайловский	
Книжка счастья	61

ДВОРЯНСКИЕ СКАЗКИ

Волшебные сказки для детей

Редактор *Т.А.Янушевич*
Компьютерная верстка *В.Сапожникова*
Художественная верстка *В.Сапожникова*
Корректор *Е.Н.Булгакова*

Издательство «Свиньин и сыновья»
г. Новосибирск, e-mail: isis@irs.ru

Подписано к печати 18.01.2005. Формат 84x108 $\frac{1}{16}$
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 7,56. Тираж 5000 экз.

Типография ИПП «Арт-Авеню». Заказ № 002
630058, г. Новосибирск, ул. Русская, д. 39, ком. 222

